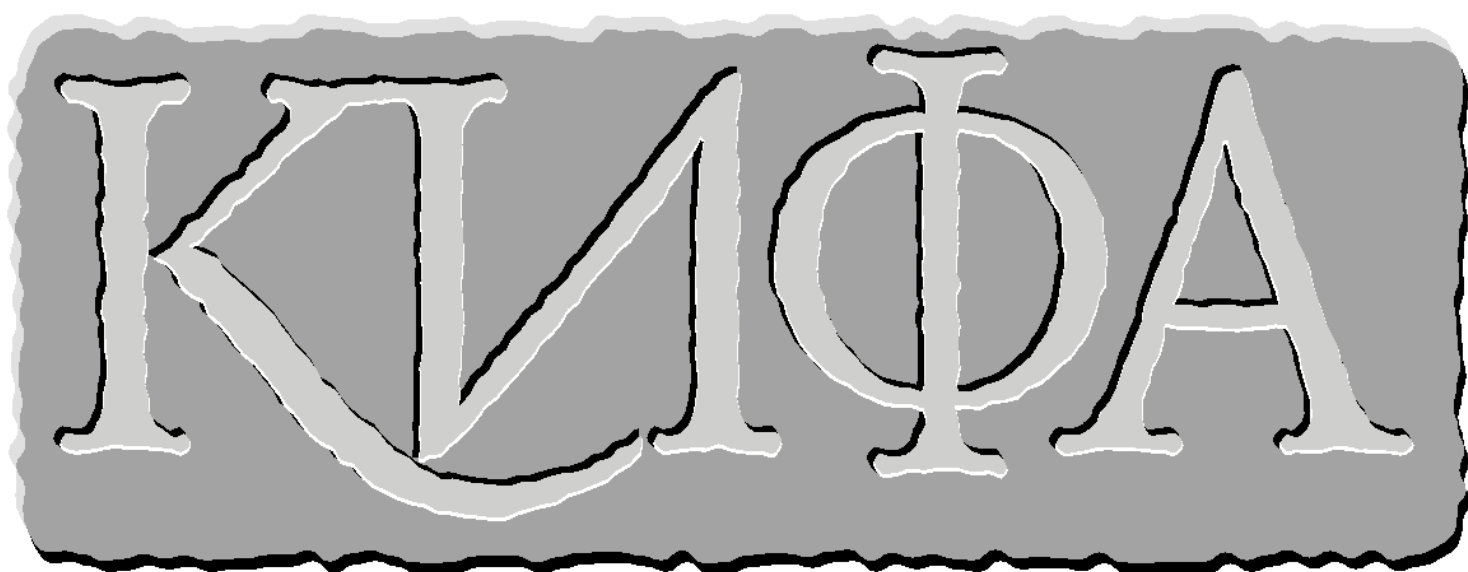

1 (16)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ЯНВАРЬ

2004

в газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

АРХИЕПИСКОП ВРОЦЛАВСКИЙ И ШЕЦИНСКИЙ ИЕРЕМИЯ: НУЖНО ВЕРНУТЬСЯ К ДРЕВНЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ПРАКТИКЕ

«Ки́фа»: Владыка, Вы говорили о своей мечте — об образованных мирянах, об их регулярном участии в евхаристии. О. Александр Шмеман в своей книге «Святая святых» говорил и о том, что необходимо не только частое причастие, но и возрождение общинного аспекта Евхаристии. Какими Вы видите пути такого возрождения евхаристического сознания и общинности?

Архиепископ Иеремия: Если говорить о возрождении евхаристического сознания, то в каждой церкви, в каждом приходе совершается каждое воскресенье, каждый праздник Божественная литургия. Проблема в приготовлении мирян к этому, к совершению литургии. И дело в том, что сейчас нужно много усилий для того, чтобы прихожане в церковь приходили подготовленные. Нужно просто вернуться к древней церковной практике. Это не о. Александр Шмеман придумал, тем более не я, но старые древние каноны говорят о том, что если кто-то один раз был на литургии и не причащался, а потом пришел еще раз на литургию и не причащался, то он должен объяснить, почему он так поступил, а если третий раз это повторится, то он будет исключен из церкви.

Нужно стараться, чтобы жизнь существующих приходов протекала нор-

мально, таким путем и таким образом, как это было в древней церкви и как это есть иногда и теперь в мире. И в Америке, и в Европе, и в Азии, и в Африке есть церкви, в которых жизнь нормально организована: почти все причащаются и только исключения не причащаются. Есть такие приходы. Может быть даже в каждой стране есть.

И нужно, чтобы это стало нормой, чтобы это вернулось, чтобы устранено было то неправильное понимание, что к исповеди приступают два или три раза в год и, соответственно, так же часто причащаются. Просто это неправильная практика. Она была связана с упадочным состоянием сознания многих христиан, и ее нужно преодолеть, и для этого действительно нужно очень много усилий. К этому нужно готовить священников и создавать в рамках прихода и группы людей, и учителей. Необходимо возродить институцию учителей из мирян, которые помогали бы людям осознать этот процесс. Это, конечно, будет длиться довольно долго. В одном приходе это, может быть, удастся за полгода, год. А в другом, может быть, придется поработать и пять лет, чтобы вернуть истинно христианскую практику.

Интервью дано на конференции
«Православное учение о Церкви»

АНОНС:

Поверх идеологий

В полемическом отклике нашего постоянного автора Семена Зайденберга на интервью с членом делегации МП на Всезарубежном пастырском совещании РПЦЗ прот. Георгием Митрофановым («Ки́фа» № 11-12) затрагивается не только тема сближения разделенных частей Русской церкви. Что такое неообновленчество? Как могло случиться, что одним из основных посредников сближения с РПЦЗ стал человек, не скрывающий своей близкой дружбы с генералитетом КГБ? На эти и другие вопросы невозможно ответить, не исследуя исторические корни расколов и разделений Русской церкви в XX в. (сс. 2,4)

Назначен катехизатором Кронштадтского собора

Сегодня впервые публикуется один из интереснейших документов по истории катехизации в России - рапорт св. прав. Иоанна Кронштадтского о необходимости внесения изменений в цикл катехизических бесед. (с. 4)

Выборы в России

В преддверии президентских выборов мы решили впервые посвятить страницу политическому обзору и опубликовать очень разные по своему содержанию отклики российских и зарубежных публицистов на прошедшие в 2003 году выборы в Думу. Понимая, что политическая ситуация изменилась мало (ибо думское большинство осталось тем же), мы тем не менее хотели познакомиться наших читателей с многообразием мнений и оценок, связанных с выборами в современной России. (с. 5)

Что значит владеть собственностью по-христиански?

Если этот вопрос связан с другим - восстановится ли в России традиция братских и общинных владений? - то он оказывается адресован отнюдь не только к православным бизнесменам, но к каждому верующему, чувствующему свою ответственность за возрождение общинности в церкви. (сс. 6-7)

Рождественские чтения - 2004

В этом номере о работе секций Рождественских чтений рассказывают те члены Преображенского содружества, преподаватели, студенты и выпускники Свято-Филаретовского института, которые выступали на чтениях с докладами и сообщениями. Среди материалов - интервью с участниками чтений, тексты и тезисы докладов. (сс.9,10)

Сердце должно гореть

В маленьком белорусском городе Полоцке много лет существует небольшая община монахов в миру. В ней всего четыре человека - два брата-близнеца, Андрей и Алексей Буховецкие, и их супруги. Мы публикуем беседу с членами общины и изданную ими в «Полоцком листке» статью о молитве. (с. 11)

Вначале необходимо, чтобы с каждым ребенком был взрослый...

В течение всего прошедшего года «Ки́фа» чуть ли не в каждом номере касалась на своих страницах темы воспитания. Но пока что все рассказы о живом, увлекательном и непростом опыте общения с детьми и подростками существовали как бы в «параллельных мирах», не вступая в разговор друг с другом. Мы хотели бы начать такой разговор со статьи Натальи Чернышевой, рассказывающей об интересном, но, на наш взгляд, небесспорном опыте решения проблемы участия детей в богослужении. (с. 12)

ПОВЕРХ ИДЕОЛОГИЙ

В предыдущем номере «Кифы» было опубликовано интервью с членом делегации МП на Всезарубежном пастырском совещании РПЦЗ протоиереем Георгием Митрофановым. Сегодня мы печатаем полемический отклик нашего постоянного автора Семена Зайденберга на эту публикацию. Мы хотели бы продолжить дискуссию по этой теме и готовы публиковать разные мнения при единственном условии — стремлении авторов к компетентности и ответственности.

Конечно, нужно радоваться тому, что наконец-то преодолевается застарелая рознь и недоверие между христианами, православными и появляется шанс на восстановление единства. В любом случае это свидетельствует о наличии какой-то жизни: в мертвом теле такие раны не заживают. Однако, мне кажется, не следует слишком обольщаться тем, что, как говорит о. Георгий Митрофанов, «традиционализм» зарубежных гораздо здоровее и церковнее нашего родного фундаментализма, — странно, если бы это было не так: новейший православный фундаментализм, расцветший в России где-то после 1993 г., по своей мертвенной жесткости не имеет себе равных ни в истории церкви, ни в современности. В какой-то мере мы присутствуем при рождении целого исторического феномена. И непонятая, а многими даже еще и не замеченная мощь этого феномена в случае соединения легко сведет на нет весь столь восхитительный о. Георгия Митрофанова «либерализм» непуганых зарубежных. И что тогда от того, что этот самый фундаментализм и родился во многом под влиянием мифа о сверх-православии зарубежных? Эта штука легко съест своих малочисленных родителей...

Радость от перспективы восстановления единства омрачается еще и тем, что церковно-общественная реакция на происходящие события видит в них почти исключительно одно только политическое измерение: всем слишком очевидно, что главное здесь — сложная политическая интрига, где у всех есть свой интерес и все надеются выиграть. Тон аналитических материалов в основном, к сожалению, циничный. Пишут и говорят, что РПЦЗ сдается МП в обмен на прихожан, о том, что наше государство через МП покупает РПЦЗ для осуществления через их приходы своей внешней политики, что иерархи РПЦЗ, в свою очередь, покупают себе хорошую жизнь за хорошую недвижимость, и т.д., и т.п. Меньше говорится, что государство (в котором постепенно восстанавливают свое влияние старые советские силовые структуры) таким образом уничтожает РПЦЗ как оплот антисоветизма и обличителя «сергианства», т.е. целиком легитимизирует иерархию РПЦ (а в последнее время все чаще напоминают, что буквальная каноничность и РПЦ, и РПЦЗ — вещь далеко не безупречная, по крайней мере — не бесспорная; две эти части русского православия всегда обвиняли друг друга в неканоничности, сейчас же, если единство будет достигнуто, вопрос снимется). Можно предположить, что в лице РПЦЗ государство вообще ликвидирует важнейший фактор нестабильности, мешающий многим его планам (например, своей зажигательной проповедью антикоммунизма — приезду папы, представляющемуся в глазах высшей власти важным шагом по созданию выгодного в глазах Запада имиджа, при котором будет еще легче делать свои обычные дела). Еще меньше, только в кулуарах, говорится, что для патриарха Алексия II — это реальная возможность войти в историю миротворцем, при чем отчасти отодвинутся в тень те вопросы, которые возникают у всякого, кто внимательно присмотрится к годам этого патриаршества...

К сожалению, попыток увидеть за всей этой политической декорацией какой-либо церковный смысл событий, их духовные основания, почти нет. С одной стороны, вряд ли сейчас, в самом

начале событий, такой анализ возможен, с другой же стороны какие-то предварительные замечания можно сделать, просто напомнив кое-что из истории.

Прежде всего о т.н. «сергианстве», в котором РПЦЗ традиционно обвиняет РПЦ. Дело в том, что еще в 1926 г., т.е. до декларации митрополита Сергия, которая и стала поводом для этих обвинений, в 5-м номере редактируемого им журнала «Путь» Николай Бердяев опубликовал статью «Церковная смута и свобода совести» (см. также «Православная община», № 45). В ней он анализировал позицию двух так называемых синодальных церквей, двух синодов — обновлен-

царского режима, — не внешней, а внутренней свободы, в т.ч. свободы от государственного контроля и, как следствие неприятия этого вызова свободы, — усиливающийся клерикализм, который находит себе основу не только и не столько в духовенстве, сколько в самих людях, которые бросились к церкви здесь и там, особенно в молодежи. Духовная незрелость, неспособность этот вызов принять и породила такое явление. В узком смысле это было неумение и нежелание церкви жить без костыля государственной власти, реального, как в СССР, или ностальгически-утопического, как за рубежом. С точки зрения Бер-

Фото свящ. Александра Классена

ческого синода и зарубежного, карловацкого синода — по отношению к Московской патриархии и к митрополиту Сергию (повторяю, это было еще до декларации, что очень важно). Есть простые факты. Факты говорят о том, что в обеих частях русской церкви — и здесь, и за рубежом — произошел существенный раскол. В России это был раскол на тихоновцев и обновленцев, за рубежом — на карловчан, т.е., условно говоря, на партию митрополита Антония (Храповицкого), и на евлогий, сторонников митрополита Евлогия (Георгиевского). Факты говорят также о том, что вначале собственно раскольников и с той, и с другой стороны границы, т.е. и обновленцев, и карловчан было больше, чем их противников. В России, как все знают, подавляющее большинство духовенства сразу стало обновленческим, и за рубежом было соотношение примерно 2/3 карловчан к 1/3 евлогий. И Бердяев пишет, что это очень понятно, поскольку это основано на неприятии, вернее просто незнании церковью духа свободы, которая открылась после падения

царского режима, — не внешней, а внутренней свободы, в т.ч. свободы от государственного контроля и, как следствие неприятия этого вызова свободы, — усиливающийся клерикализм, который находит себе основу не только и не столько в духовенстве, сколько в самих людях, которые бросились к церкви здесь и там, особенно в молодежи. Духовная незрелость, неспособность этот вызов принять и породила такое явление. В узком смысле это было неумение и нежелание церкви жить без костыля государственной власти, реального, как в СССР, или ностальгически-утопического, как за рубежом. С точки зрения Бер-

дяева оказывается совершенно неважно, что обновленцы выбирают советскую власть, а зарубежники, наоборот, царскую власть выставляют уже как догмат, потому что суть одна: невнимательность к суду Божьему над идеалом «симфонии», нежелание выходить на свободу. Бердяев пишет, что если бы современные ему «карловчане» были в России, то неизвестно, не стали бы они как раз обновленцами, анти-тихоновцами. Интересно, что есть и другие факты, показывающие верность его интуиции. Например хорошо известно и описано, что при патриархе Тихоне начался подлинный расцвет общинно-братского движения в Русской церкви, прежде всего — в его московской епархии, что он лично интересовался жизнью этих общин и активно их поддерживал. И наоборот, митрополит Антоний (Храповицкий), будучи еще на Киевской кафедре, был серьезным оппонентом и едва ли не гонителем деятелей зарождающегося общинного движения (о чем в те годы в Киеве писал, например, архимандрит Спиридон (Кисляков), прямо сравнивая церковную поли-

тику патриарха Тихона и митр. Антония). Бердяев пишет, что и современное ему противостояние «карловчан» евлогиянам и митрополиту Сергию — это противостояние не советской власти, а противостояние прежде всего патриаршей церкви, т.е. линии патриарха Тихона. И что их клерикализм отражает вовсе не верность иерархическому и каноническому строю, а простой выбор своих политических симпатий, которым они готовы подчинить и иерархию, и каноны.

То, что мы наблюдаем сейчас, на мой взгляд, показывает, что Бердяев был прав: эти две силы, обновленчество и карловчане, друг друга находят, уже почти нашли, подтверждая тем самым, что в действительности где-то на глубине они одно и то же, несмотря на всю разность их деклараций. Казалось бы, парадоксальный факт: как противники «сергианства» могут иметь дело с о. Тихоном Шевкуновым, который публично демонстрирует свою дружбу с генералом КГБ Леонидом? Я уж не говорю, что о. Тихон в Америке на недавних знаменитых переговорах с РПЦЗ был также не один... Но тем не менее — это происходит легко. И есть этому причина.

Конечно же, всем понятно, что критика декларации митрополита Сергия по обе стороны границы была небезосновательна. Эта декларация отразила ту тенденцию в жизни РПЦ, по отношению к которой было употреблено тогда известное нынче слово «неообновленчество» (собственно, оно в тех условиях и именно тогда по этому поводу родилось). Т.е. раскол-то обновленческий был более-менее преодолен, но тенденции обновленческие, тенденции компромисса с безбожной властью никуда не исчезли и вошли уже внутрь церковной ограды. Не нам судить людей того времени, и я отнюдь не склонен разделять с зарубежниками поверхностное, не достигающее существа проблемы обвинение нашей церкви в «сергианстве», но для меня несомненно, что с тех самых времен, когда обновленчество было формально преодолено, в нашей церкви сосуществуют обе эти тенденции: с одной стороны, линия патриарха Тихона, с другой стороны, линия иногда не просто недопустимого компромисса с властью, что было бы понятно, но принципиального союза с властью, условно говоря, «неообновленческая». (Очень важный симптом проникновения этих тенденций в церковь: в 1937 г. митрополит Сергий уже согласно с карловацкой церковью обвинил о. Сергия Булгакова в ереси: к тому времени евлогийская часть русской церковной эмиграции была вынуждена уйти под юрисдикцию Вселенского патриарха.) И всем очевидно, что с начала 90-х годов линия этого союза начинает в нашей церкви поднимать голову и преобладать. Можно привести примеры. Начиная с 1993 г. наша церковь делает ряд шагов, которые, как сейчас уже становится отчетливо ясно, готовили почву для объединения с РПЦЗ. Это и гонения на Средне-Преображенское движение (и не случайно именно его назвали «неообновленцами», т.е. пытались (и отчасти это удалось) представить дело так, что суть обновленчества была не в недопустимом союзе с властью, а в каких-то реформах, которых как раз у настоящих обновленцев-то и не было, а были у патриарха Тихона), и дальнейшее подавление вообще всякого общинного движения в 90-х годах в России. Это и решения собора 2000 года: «Основы социальной концепции» с признанием монархии оптимальной формой правления, канонизация царя и т.д. Но все же знают, помнят, как было дело с этой канонизацией! Что еще в 1997 г. значительная часть высшей иерархии была против нее. И вдруг в 2000 году было объявлено, что епископы единогласно голосуют «за» (хотя это было и не совсем так), делая это как бы свободно, никто никого не заставляет, но они голосуют так же единогласно, как они голосовали при советской власти, хотя формально над ними этой власти нет, — вот эта чудовищная инерция оказывается чрезвычайно сильной! Здесь же, на-

Продолжение на стр. 4

ФАКУЛЬТЕТУ ТЕОЛОГИИ ЕГУ - 10 ЛЕТ

В прошедшем 2003 г. факультет теологии им. свв. Мефодия и Кирилла Европейского гуманитарного университета (Минск, Белоруссия) отметил свое 10-летие. Это один из первых в странах бывшего СССР богословских факультетов, открывшийся в светском университете. Опыт факультета теологии ЕГУ уникален прежде всего этим соединением в рамках одного вуза светского гуманитарного и православного богословского образования.

Возрастающая потребность общества в богословском и религиозном знании, вызвавшая принятие государственного стандарта по теологии и открытие теологических факультетов в целом ряде государственных университетов стран СНГ, — это серьезная проблема, которая пока далека от разрешения. С одной стороны, невозможно не видеть существенной специфики в преподавании богословского знания, которое связано с религиозными ценностями и с опытом особого рода, что серьезно отличает богословие от точных, естественных и даже гуманитарных наук. С другой стороны, ясно, что гуманитарная мысль непредставима без религиозной тематики, поэтому сближение богословского образования со светским гуманитарным является вполне закономерным.

Факультет теологии ЕГУ — это учебное заведение, светское с внешней и организаци-

онной стороны, формально не входящее в учебные структуры Православной церкви, но одновременно оно христианс-

кой мысли и преданию всей христианской традиции в целом.

12 января 2004 г. в Минске состоялся торжественный ве-

Университетская церковь свв. Мефодия и Кирилла

кое и церковное по своей направленности и по содержанию преподаваемого образования. Деятельность факультета прямо не связана с профессиональной подготовкой церковнослужителей, но его работа не оторвана от жизни церкви. Это пример диалога между церковью и обществом в области образования и попытка организации открытого христианского образования — открытого одновременно к запросам общества и вызовам времени и к богословс-

чер, посвященный юбилею богословского факультета ЕГУ, который открылся речью декана митрополита Минского и Слуцкого Филарета о перспективах и стратегических приоритетах развития факультета. На вечере прозвучали приветствия и поздравления, которые свидетельствуют, что работа факультета получила признание и высоко оценена как со стороны церкви, так и со стороны государственных и общественных кругов. Церковное значение деятельности фа-

культета было отмечено в поздравительном послании Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В своем приветственном слове папский нунций архиепископ Иоанн Юркевич говорил о заслугах факультета в деле укрепления единства христиан. На вечере присутствовали многочисленные гости, представляющие Министерство образования, Комитет по делам религий и другие государственные структуры Республики Беларусь, различные вузы и деловые круги, а также посольства зарубежных государств. Факультет получил многочисленные поздравления от различных богословских школ и светских вузов России и других стран.

Свято-Филаретовскому институту, который также является юридически светским православным учебным заведением, работающим в сфере богословского образования для мирян и христианского просвещения и только что отметившим свое 15-летие, многое близко в подходах богословского факультета ЕГУ. От имени СФИ поздравления факультету передала присутствовавшая на юбилейном вечере в Минске Л.Ю. Мусина, ученый секретарь и декан СФИ, являющаяся членом международного общественного объединения «Христианский образовательный центр им свв. Мефодия и Кирилла», чья основная деятельность направлена на поддержку факультета.

В СФИ СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА С ОЛЬГОЙ СЕДАКОВОЙ

«Готов ли ты к необычному счастью?» Эти слова Ангела из еще неопубликованного поэтического сборника Ольги Седаковой, пожалуй, лучше всего передают дух, царивший в Свято-Филаретовском институте на встрече поэта с братством «Сретение».

Главное, что произошло во время чтения стихов из сборников «Старые песни» и «Китайское путешествие», рассказа о презентации перевода произведений поэта на датский язык и ответов на многочисленные вопросы слушателей —

это то, что ставшее обыденным в рамках новостного сообщения словосочетание «состоялась встреча» обрело свой подлинный смысл и в словах, которые были сказаны, и в молчании, которое стояло в зале во время чтения стихов.

После этого в читальном зале библиотеки СФИ прошло открытие выставки, посвященной жизни и творчеству Ольги Седаковой. На нем выступила преподаватель РГГУ и СФИ А.И. Шмайна-Великанова, близкий друг поэта. «В обыденном сознании — сказала она — духовная жизнь воспринимается как эгоизм, когда человек перестает интересоваться кем-то кроме себя, поэтому для него она никак не связана с поэзией. Но, — обратилась она к членам братства, — вы знаете, что настоящая духовная жизнь — это жизнь в общении, дружбе, в общине. Поэт — это человек, который творит всегда для кого-то. И вот сегодня мы свидетели того, как настоящий поэт встречается с настоящей общиной».

Закончилась встреча общей молитвой. Ольга Седакова приняла участие в праздничной вечерне братства в Свято-Филаретовской часовне. Она с большим интересом ознакомилась с выполненным группой переводчиков переводом православного богослужения на русский язык под редакцией магистра богословия священника Георгия Кочеткова и попросила экземпляр богослужебного сборника на русском для тщательного ознакомления.

Александр БУРОВ

В МОСКВЕ ПРОШЛИ ДВЕНАДЦАТЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ

В конце января в Москве прошли XII Международные Рождественские образовательные чтения — крупнейший форум православной общественности, организованный Отделом религиозного образования и катехизации. Задачей чтений, как определили ее организаторы, явилось «уяснение значения православия для возрождения и преобразования жизни российского общества, культуры и образования; воспитания подрастающего поколения в духе высоких идеалов служения Богу и отечеству».

На чтения приехали представители почти всех епархий Русской православной церкви. Активное участие в них приняли государственные, политические и общественные деятели. Достаточно назвать здесь имена министра образования В.М. Филиппова, министра юстиции Ю.Я. Чайки, лидера думской фракции «Родина» С.Ю. Глазьева. По словам председателя Отдела религиозного образования и катехизации архимандрита Иоанна (Экономцева), форум явился «важным вкладом в формирование церковно-государственных отношений и в решение проблем в сфере образования на государственном уровне».

По традиции, первое заседание, которое состоялось в Кремлевском дворце съездов, открыл патриарх Алексий II. Он предложил возродить доре-

волюционную традицию знакомства школьников с житиями святых. «На Руси жития святых всегда были излюбленным чтением, полагались в основу образования и воспитания», — напомнил предстоятель Русской православной церкви, обращаясь к участникам Рождественских чтений.

Отвечая на вопросы участников Рождественских чтений, патриарх Алексий II призвал Минпечати острее реагировать на факты оскорбления религиозных чувств людей, а также на пропаганду насилия и безнравственности. «Поколения, которые придут нам на смену, должны быть нравственны, духовны и образованны», — отметил он.

Проблема нравственности и соблюдения элементарных норм поведения достаточно актуальна не только для светской, но и для церковной среды. Это со всей наглядностью продемонстрировал концерт, который состоялся для участников чтений в Кремлевском дворце и во время которого некоторые фундаменталистски настроенные православные граждане постарались устроить громкий скандал.

Поводом для скандала послужило выступление прославленной балерины, солистки Большого театра Анастасии Волочковой. Балерина выступила с несколько рискованной хореографической миниатю-

рой. На языке жестов заслуженная артистка России попыталась проиллюстрировать молитву Господню «Отче наш» и знаменитое песнопение «Ave Maria». Пластика, надо сказать, очень интересная, но...

Очень непросто воспринимать сакральный текст в исключительно культурном контексте. Вот на Библейскую тему в живописи реакция не такая острая, более-менее понятно, что к чему, да и зрители привыкли. А балет... Все впервые.

Несколько дам закричали, что сие действо — кощунство. И, крича, стали выходить, хлопая дверью. Число негодующих увеличилось, когда на сцене появился монашеский хор католиков и исполнил несколько песнопений. «Кто молится с еретиками, тот отлучает себя от Церкви», — выкрикнула сидевшая рядом со мной «сестра». Доводы, что это всего лишь концерт, ее мало убедили, и она тоже хлопнула дверью.

Такая культура. Чисто советская, надо сказать — с известной долей ханжества, с «марксомольскими» святынями (православие в сознании таких людей — версия старой веры), с нежеланием и неумением вести диалог. «Другое» лежит в области зла, даже если «другое» — всего лишь новый язык искусства. Когда один из чтецов прочитал пушкинского

«Странника» в «рваной», необычной для привычного уха манере, это тоже было воспринято негативно (хотя на этот раз обошлось без хлопанья дверями).

Концерт лишний раз показал, что фундаментализм толкает Церковь на путь маргинализации, что прежде чем поучать общество, РПЦ необходимо серьезно заняться евангелизацией внутри церковной ограды...

Церковную оценку жестам фундаменталистов дал на следующий день выступавший на пленарном заседании епископ Элистинский и Калмыцкий Зосима. «Если не нравится концерт, можно тихо выйти... Зачем быть такими неблагодарными, зачем позорить церковь?» — сказал он. И привел еще один курьезный случай, происшедший в тот же день. Одна монахиня подошла к патриарху Алексию II со словами: «Ваше Святейшество, спасайтесь. Антихрист близок, все члены Синода ему служат».

Комментарии, как говорится, излишни.

Борис КОЛЫМАГИН

Тема продолжается на сс. 9-10, где опубликованы некоторые выступления, прозвучавшие на Рождественских чтениях, и отклики участников.

НАЗНАЧЕН КАТЕХИЗАТОРОМ КРОНШТАДТСКОГО СОБОРА

Неизвестные страницы жизни св. прав. Иоанна Кронштадтского

Епископу Тихону (Покровскому)
17 ноября 1872, Кронштадт

Его Преосвященству,
Преосвященнейшему Тихону, Епископу Ладожскому,
Викарию Санкт-Петербургской Митрополии

Священника Кронштадтского
Андреевского Собора Иоанна Сергиева

Покорнейший рапорт.

Указом С<анкт>-Петербургской Духовной Консistorии от 16 Сентября сего года за 3634 я назначен катехизатором в Кронштадтском Соборе в будущем 1873 году с тем, чтобы я представил на благосмотрение Вашего Преосвященства предварительный составленный мною план бесед. В указе сказано, чтобы катехизатор в своих беседах объяснял предметы катехизического учения: Символ Веры, молитву Господню и десять заповедей¹. Но, так как об этих предметах постоянно и прежде говорились беседы - Протоиереями Трачевским и Веселовским и мною², и диаконом Софроновым, а один и тот же предмет учения может наскучить прихожанам, то я принимаю смелость покорнейше просить соизволения и благословения Его Высокопреосвященства и Вашего Преосвященства - изменить несколько материю катехиза-

ции и, вместо Символа Веры, молитвы Господней и 10 заповедей, позволить мне объяснение Богослужения нашей Церкви по составленному мною и при сем представляемому плану. В этом объяснении народ наш очень нуждается³. При этом катехизатор надеется объяснить в своем месте, кратко, и Символ Веры, и молитву Господню, и блаженства Евангельские. Таким образом и из Богослужения многое будет объяснено, и с тем вместе преподана будет и часть катехизиса.

Священник Иоанн Сергиев.
17 Ноября 1872 года.

На письме помета: "1872 г. Ноября 21. Одобренный план препроводить к его составителю. Е<пископ> Ладожский".

Печатается по: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 64. Д. 15. Лл. 7-7об. **Документ публикуется впервые.**

¹ В 11 статье Устава Духовной Консistorии, соответствовавшей указу Святейшего Синода от 24 мая 1844 г. за 5430, было предписано: "В некоторых церквах епархиального и других городов, сообразно местности церквей и способностям священников, учреждать катехизические по воскресным дням поучения". - ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 63. Д. 7. Л. 1. Кронштадтский собор как центральный собор крупного портового города, имевший образованный священнический штат, был

включен в список церквей, обязанных регулярно проводить катехизическое учение. Катехизаторы, назначавшиеся епархиальным начальством ежегодно, обязаны были "беседы, прежде произнесения, представлять благовременно на рассмотрение благочинных и цензоров, а произнесенные, по окончании года, представлять при рапорте Его Преосвященству". - Там же. Лл. 4об., 5.

² О. Иоанн проводил катехизические беседы в Андреевском соборе в 1858, 1861, 1865, и 1869 гг. Катехизические беседы 1858 г. были изданы отдельной книгой. См. письма от января 1859 г.

³ Смелое предложение о. Иоанна "изменить материю катехизации" было подготовлено его многолетним опытом и духовными размышлениями, зафиксированными в дневнике. Так, уже в 1869 г. он писал: "Богослужение надо изучать и преподавать как можно нагляднее, убедительнее, с нравственными применениями, с показанием необходимости его для христианина и всего вреда, происходящего от непосещения Богослужений"; "Не свечи горящие Богу нужны, а сердца горящие: и так да горят, да пламенеют сердца ваши, когда вы стоите во храме при совершении Богослужения, иначе Литургии, да пламенеют любовью и благодарением ко Господу"; "+Усердно посещают Богослужение, чтобы насыщаться правдою Божиею, проникающей Богослужение, и узреть свою не-

<http://pokrov.gatchina.ru/photos/ioannk.jpg>

правду"; "Мы должны обратить науку истории Ветхого Завета и Нового Завета, катех<изацию>, науку о богослужении, историю Церкви - в жизнь, в дело, в практику. К этому и будем мы стремиться всеми силами". - ГАРФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 14. С. (по электронной версии) 3, 26, 149, 180.

Юлия БАЛАКШИНА

ПОВЕРХ ИДЕОЛОГИЙ

Начало на стр. 2

пример, то же явление "младостарчества". Это все вещи одного порядка, это то, о чем писал Бердяев. То, что совершилось как некий пролог тогда, в 20-х годах, на микроуровне, сейчас совершается на уровне всей страны. Люди и церковь в целом не умеют жить в свободе, боясь свободы, может быть, еще больше, чем тогда, потому что после советской власти свобода оказалась еще менее знакомой, еще более трудной и искушительной. И опять-таки, под ударом оказывается в первую очередь молодежь. Парадоксальным образом, людям, которые еще застали советскую власть, жить в свободе оказывается подчас легче, чем людям нового поколения, в том смысле, что все это младостарчество находит питательную среду именно в молодежи, которая выросла без советской власти, но которая оказывается совершенно бессильна противостоять этим духовным соблазнам. И поэтому вся эта идеология, обновленческая ли, карловацкая ли, уходит на второй план, она становится не важна. Важна становится сама духовная суть явлений. Почему все так легко идет на это объединение? Почему о. Тихон, который, как сейчас пишут, еще в 1992 году был ярким противником РПЦЗ, идет на контакт с ними, и наоборот? Происходит что-то, что когда-то происходило при советской власти, когда вчерашний герой труда сегодня оказывался врагом народа и все делал вид, как будто этого не было. Еще вчера неслись жесткие обвинения с обеих сторон, сегодня они исчезли. Для нас, я думаю, это не новость. Святых людей голая, ненасытимая, ослепляющая одержимость властью с чудовишной, мертвящей пустотой внутри, счастливо свободная от всяких идеологий.

Поэтому я хотел бы еще раз повторить то, с чего начал: не стоит слишком обольщаться «либерализмом», «толерантностью» и даже «кочетковством», которые, по словам о. Георгия Митрофанова, лично присущи многим клирикам РПЦЗ. Все это возможно и так, но если даже в эмиграции действительно удалось что-то сохранить, а что-то и приобрести за годы жизни на свободном Западе, та новейшая сила, с которой они в лице того же о. Тихона Шевкунова вступают в переговоры, слишком безлична и инфер-

нальна, чтобы считаться с любыми личными особенностями и достоинствами. Она сорвет все наносное, пусть по-человечески столь симпатичное, пойдут глубже и обнажит (столь созвучные самой себе!) самые основания, корни РПЦЗ, ее родовые болезни, о которых писал Бердяев, — неприятие свободы и реальности, отсутствие исторического дерзновения, страх — и легко подчинит ее себе, незаметно вберет в себя. За последние годы мы наблюдали здесь, в России, такое, увы, не раз. Лишнее подтверждение тому — то, что, по словам того же о. Георгия Митрофанова, они «не заметили» истории с о. Георгием Кочетковым, потому что он, мол, «модернист» и «обновленец». Они еще думают, что борьба происходит по какому-то идеологическому и вообще разумному принципу и их не тронут! Т.е. оказываются столь наивны, как в России сегодня уже нельзя, просто самоубийственно! (Как это напоминает реакцию Запада на знаменитые политические процессы 30-х годов!)

То же с «возвращением к решениям Собора 1917/18 гг.» и «возрождением приходских общин», за которое, по словам о. Георгия Митрофанова, столь ратуют зарубежники. Опять-таки, все это очень и очень симпатично и приятно слышать и читать в газете, но все это, простите, по точному выражению, «разговоры в пользу бедных». Уже в начале XX века многим было понятно, что приход — это форма церковного устройства константиновской эпохи и задачам новой эпохи жизни церкви он отвечает совсем просто не может, не в состоянии, и в этом смысле «приходская община» — сама по себе переходная форма. Не случайны ведающие богословы русской эмиграции — и о. Николай Афанасьев, и о. Александр Шмеман столько думали о решениях собора именно в этом направлении, понимая, что в области соборности сами решения этого собора — компромиссны и работать не будут. В среде же РПЦЗ, насколько я знаю, о подобных вещах и не начинали думать. И то, что они (как, впрочем, и все западное православие русской традиции), по их собственным свидетельствам, духовно не справляются с последней волной русской эмиграции, лишний раз это доказывает: модель «при-

ходской общины» больше не работает, не выдерживает простого столкновения с реальностью.

Отсюда, на мой взгляд, и ответ на всех волнующий вопрос: как на это реагировать, чем это грозит? Еще с августа 2000 года, с момента канонизации императора, совершенно недопустимой (я говорю не по сути, тут я не могу судить, а по форме, потому что заранее было известно, что она противна совести множества людей), у меня в голове крутится одна фраза из Книги царств. Когда израильтяне настаивают, вопреки Божьей воле, чтобы Он дал им царя, Бог говорит через Самуила: «Не бойтесь, грех этот вами сделан, но вы не отступайте только от Господа и служите... Ему истинно, от всего сердца Вашего» (1 Цар 12:20,24). Так что то, что происходит, духовно очень понятно и очень объяснимо. К этому все шло и должно было прийти. В каком-то смысле — слава Богу, что все эти тенденции обнажаются так явно, потому что так проще жить. В то же время если эти силы так легко идут на объединение, пренебрегая всякой своей идеологией, это может значить и то, что они чувствуют очень слабую почву под ногами. В каком-то смысле, через эту беспринципность и абсолютную политизированность того, что происходит, становится очевидно бессилие, внутренняя пустота этого дома на песке, как и того, что однажды сказал про нас тот же о. Тихон Шевкунов: "Время работает на них", т.е. на Средне-Преображенское братство. В этом смысле не надо обращать на происходящее большое внимание, тем более бояться. Нужно действительно благодарить Бога, если раскол все-таки удастся преодолеть, и продолжать делать свое дело.

С нашей стороны сейчас важно одно: насколько мы сможем сделать то, за что мы непосредственно отвечаем, за соби- рание, воплощение и развитие общинно-братского опыта тех лет. Ведь не случайно духовные наследники двух этих сил — обновленчества в России и карловацкой церкви за рубежом, друг друга ищут, находят и объединяются. Они знают то, чему противостоят. Если проанализировать, скажем, декларации РСХД и возникшего вокруг него, т.е. то, что родилось внутри евлогиянства, и сравнить это

с тем самопониманием, которое было в общинах Мечевых, о. Сергия Савельева, о. Анатолия Жураковского, то все это окажется очень-очень похоже, даже на уровне формулировок: это свобода и полная ответственность всех за жизнь в церкви, преодоление клерикализма, и даже формы жизни и там, и там были схожи, формы евхаристической жизни, возрождение агап, поиски форм общинной и братской жизни, восстановление видения Церкви как духовного движения и т.п.

Мы должны быть наследниками и того лучшего, что было в РСХД, и того лучшего, что было здесь, потому что новейший фундаментализм хочет просто свести все это на нет. Я уж не говорю про парижское богословие, его судьба в нашей церкви известна, оно загнано совершенно в угол, как западная философия в советское время: существуют какие-то избранные, которые ее знают, но это по большей части сотрудники идеологических институтов. Наследие собора 1917/18 гг. также замалчивается, объявляется чуть ли не историческим памятником, с которым не надо даже считаться как с не имеющим отношения к реальной жизни церкви. Даже канонизация о. Алексея Мечева и его сына о. Сергия проведена так, чтобы не замечать того, что они сами считали главным делом жизни: устройство общины. Это куда-то ушло...

Так что надо делать свое дело. И не надо смущаться видимой мощью новейшего фундаментализма, мечтающего о восстановлении «симфонии» и потому рвущегося в «духовники президента», если даже он усилится после восстановления общения с РПЦЗ. Внутри у него ничего нет и даже малейшая реальность церковной жизни — уже весомое ему противостояние. А ее наличие от него не зависит. Нужно только и нам стараться уходить от всяких идеологий и клише, которые сегодня столь легко заводят в тупик, и искать именно реальности, живой реальности духовной, евангельской, православной жизни.

Семен ЗАЙДЕНБЕРГ

ВЫБОРЫ В РОССИИ

О проблемах последних думских выборов размышляют публицисты России и Европы

В преддверии президентских выборов мы решили впервые посвятить страницу политическому обзору и опубликовать очень разные по своему содержанию отклики российских и зарубежных публицистов на прошедшие в 2003 году выборы в Думу. Понимая, что политическая ситуация изменилась мало (ибо думское большинство осталось тем же), мы тем не менее хотели познать наших читателей с многообразием мнений и оценок, связанных с выборами в сегодняшней России.

В недавней избирательной «коронации» партии Путина, о которой говорилось практически во всех газетах, есть один простой, почти банальный факт, — оставшийся как бы скрытым, — но который надо напомнить: поражение демократии. Не с формальной стороны, скорее с точки зрения духа. Та реформистская волна, созданная и вдохновленная Горбачевым в уже далеком 1986г. со своими «человеческими ценностями», со своим проектом починки неизлечимой системы (знаменитая «перестройка»), волна, которая потом опрокинула его самого, сейчас закончилась в песке. Верно, что слово «демократия» часто упот-

Путина, не является заслугой его действительно царских достоинств, это скорее признание факта, точно согласующегося с российской традицией, которая взращивала царей изнутри как образ Государства-судьбы, харизматического Государства, Государства-шпаги, подвешенной над головой каждого гражданина, вызывая в его сердце неясный страх, смешанный с поклонением. Под царско-президентской сердечностью есть след смутной, но хорошо ощущаемой угрозы огромной власти, которая очаровывает своим почти отеческим обаянием.

Что выразили остальные граждане, не-путинцы? Мы почти забыли, что существенная часть населения Российской Федерации накопила за последние 12 лет как минимум 3 незалеченные раны, нанесенные — как полагают — демократией (или Западом, это то же самое): падение империи (которую все за границей уважали), громкое поражение в холодной войне (не важно, что было причиной), и дикий капитализм, пришедший вместе с новыми русскими, которых ненавидят и которым завидуют, но и со многими, многими бедными. Голоса, отданные другим партиям — это голоса протеста в различных формах: ностальгия по некогда «спокойной», «тихой» жизни, которую у нас отняли (голос за коммунистов), неуважение типа «буфф», провоцирующее (голос за Жириновского, который постоянно устраивал скандалы во время предвыборной кампании), наконец, протест национал-социалистический (голос за создание Матери-родины), порожден-

Эти выборы сделали очевидным факт, перед которым меркнут различия между СПС и КПРФ, «Яблоком» и «Родиной» и кем угодно еще. Больше половины избирателей выборы проигнорировало. Это не было случайным фактом, но, с другой стороны, социологи такой результат не прогнозировали. Речь идет о недвусмысленном политическом действии. Большинство проигнорировало эту политическую систему вовсе. Показало, что живет «на другой половине города», во «второй России», где никаких выборов нет и никому они там не интересны.

Сегодня страна фактически

ги выборов, главная задача состоит в том, чтобы не дать СПС или КПРФ увести нас в обсуждение их качеств «плохого танцора». Обсуждая слишком долго, кто почему проиграл эти выборы и кто на них выиграл, мы рискуем потерять главный сюжет. Сюжет тех, кто на этих выборах не играл.

После того, как нация негослующих увидит выбор, сделанный нацией голосующих, она его либо примет (а политика голосующих, в свою очередь, примет в расчет молчаливое большинство) и начнет их воссоединение после крайней точки разделения, либо раскол и диссоциация пойдут дальше.

ЕГОР ХОЛМОГОВ («ОБЩИНА XXI ВЕК»): В РОССИИ СЕГОДНЯ ДВЕ НАЦИИ - ГОЛОСУЮЩАЯ И НЕГОЛОСУЮЩАЯ

раскола пополам - на путинское большинство, принявшее участие в выборах и принявшее на себя определенную ответственность за политическое развитие страны, и реальное молчаливое большинство, которое в политической системе вовсе не представлено. Если бы явка была 60 процентов, речь шла бы о равнодушном болоте. При явке меньше 50 процентов, речь именно о непредставленном большинстве, которое не видит в рамках существующей политической системы сил, заслуживающих доверия и отражающих ее мнение. В каком-то смысле, это большинство настроено радикальней и идеологии «Родины», и риторики Жириновского.

Главная претензия молчаливого большинства к политикам - это лживость. А индикатором лживости являются, прежде всего, декларации о своей способности что-то изменить «как в нормальной стране». Люди путинского большинства уверены, что они живут в нормальной стране, либо очень скоро ее сделают. Люди молчаливого большинства не менее твердо уверены, что они живут в стране ненормальной, стране с утраченным суверенитетом, в которой сделать что-либо нельзя, и тот, кто обещает сделать, является либо лжецом, либо дураком. Сегодня это молчаливое большинство заявило о себе исключительно мощно. Оно показало, что является силой хотя бы потому, что будет своей неопределенностью нависать над любыми политическими раскладами, а своей непредставленностью угрожать любой политической системе. За пределами «российской демократии» осталось более половины населения. В России сегодня две нации - голосующая и неголосующая. Поэтому главным объектом и субъектом российской политики на ближайшие годы должен стать и станет не пришедший избиратель, а тот избиратель, который не пришел.

Когда мы анализируем ито-

дуг дальше. И в итоге нация неголосующих обретет своего натурального лидера снизу, лидера, который в предельно жесткой форме поставит ее реальные проблемы в «неигровом», неэлекторальном пространстве. Фактически речь будет идти о партизанской войне, пусть даже она будет вестись невоенными средствами. Другими словами, у нас впереди два исхода - Реставрация (имеется в виду реставрация единой Нации, прежде всего), или Революция, которая решит эту восстановительную задачу, опрокинув и смешав всё. Я не считаю ни один из сценариев более вероятным и ни один — более предпочтительным. Но выбор, при учете только внутренних факторов, именно таков.

Следует, однако, учесть и внешний фактор, который уже сам намекал о необходимости его учета - пока в отдаленных раскатах недовольства ОБСЕ провалом либералов. Это еще один повод вспомнить, что тема десоверенизации России и наличия глобального суверенитета не является ни плодом большого воображения, ни пренебрегаемым фактором. Вторжение носителя этого глобального суверенитета в Россию вполне возможно, несмотря на ведущуюся уже пятнадцать лет политику уступок. И не исключено, что именно оно повлечет консолидацию двух наций перед общим внешним врагом и вынужденный переход власти от политики уступок к политике решительного сопротивления. Какой сценарий предпочтительнее для России, сказать и, в самом деле, трудно. То ли столыпинские «десять лет мира», то ли большевистский «мировой пожар», то ли «священная война», которая устроила бы многих националистов. Но, так или иначе, России придется в ближайшие годы решать проблему неполноты собственного суверенитета. И пока она не будет решена, России в России будет по-прежнему две.

ПРОТ. ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВ: БЛАГОСЛОВЛЕННЫЙ КАНДИДАТ ПОТЕРПЕЛ СОКРУШИТЕЛЬНОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Прот. Георгий Митрофанов: Современную Церковь можно упрекнуть в том, что она недостаточно активно использует различные формы взаимодействия с обществом. Показателен опыт последних выборов, когда неожиданно обнаружилось, что почти во всех ведущих политических партиях Православная Церковь оказалась практически не представлена. Единственный благословленный для участия в выборах кандидат потерпел сокрушительное поражение, хотя в целом авторитет Церкви в обществе гораздо выше, чем те 1,5%, которые набрала Народная партия.

Филипп Щипков: Можно ли предположить, что поражение «церковных» кандидатов является следствием представлений в обществе, что Церковь не должна заниматься политикой?

Прот. Георгий Митрофанов: В обществе, к сожалению, вообще нет выработанного отношения к Церкви. Я думаю, что всё, что произошло на последних выборах, это просто знак того, что сама Церковь недооценивает важность роли мира, как в жизни общества, так и в политике. Речь не должна идти о создании политической клерикальной православной партии. Ещё собор 1917-18 гг. допустил плюрализм политических взглядов среди христиан. Я убежден, что православные христиане могут участвовать в деятельности различных политических партий, за исключением коммунистических и фашистских.

Филипп Щипков: Не является ли декларирование политическими деятелями своей религиозности простой эксплуатацией общественно-политического ресурса Церкви для приобретения политической выгоды?

Прот. Георгий Митрофанов: О каком общественно-политическом ресурсе Церкви вы говорите? Этот ресурс не позволил единственному благословленному кандидату пройти в Думу. Священник на его месте имел бы шанс пройти... Решение Священного Синода, запрещающее священнослужителям принимать участие в выборах, абсолютно точно соответствует нынешнему положению вещей в Церкви. Большинство нашего духовенства сегодня совершенно аполитично. Политически активна лишь меньшая часть духовенства. К сожалению, эта активность чаще проявляется в коммунно-патриотическом ключе, нежели в подлинно патриотическом жертвенном духе.

«РЕЛИГИЯ И СМ»,
30 января 2004 г.

ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ («АВЕНИР»): ПУТИН — КОРОНОВАННЫЙ ЦАРЬ ВСЕ БОЛЕЕ ДАЛЕКОЙ ЕВРОПЫ

ребляется путинской партией и лично президентом, но его смысл, или, лучше скажем, дух, с которым оно используется, другой. При Горбачеве «демократия» означала попытку придать человеческий облик системе, которая его не имела. При Ельцине «демократия» была сломом коммунизма во имя целостной структуры свобод «как на Западе». В 2003 то же слово, но в путинском исполнении, означает «стабильность», верность государству как оно есть, его силе, его гордости, даже если центральная власть подминает шаг за шагом все больше под себя местную, свобода слова отступает и война в Чечне несколько грязна. «Демократия» сейчас свелась к улыбке и спортивному виду молодого «царя». Титул, которым западная печать с редким единодушием наградила

ный зловещим состоянием души.

Все эти голоса, т.е. две трети Думы, ярко антидемократичны. Другими словами, Европа со своими ценностями потерпела поражение в России, это видно по прошедшим выборам, в этом не должно быть иллюзий. Никакое поражение не бывает окончательным, однако, особенно в России, где власть над душами похожа на маятник, который, после падения коммунизма 12 лет назад, качнулся в другую сторону. Но сколько усилий потребуются, чтобы этот маятник вернулся, от культа государства к открытию истинной ценности человеческой личности?

Перевод с итальянского
Елены МАЙЗИЛЬ
под редакцией автора

Сергей Бармин, директор завода, Архангельск: Собственности должно быть столько, сколько сможешь управлять. Как и в части собственности малой, ну там квартира, машина, так и в части собственности на средства производства. Начнем с собственности на средства производства. Потому что это мне ближе. Хорошо? Правда, это, наверное, такой не христианский подход будет, а просто подход деловой.

Человек должен уметь управлять тем, чем он владеет, и в результате нельзя халатно, если не в состоянии нахапанном управлять. Потому что новейшая история России показала, что очень много нахапанного было совершенно бездарно потеряно и угрождено. Я не уверен, что если человек — хороший христианин, то он хороший собственник. Я в этом не уверен. Точно так же, как очень часто бывает то, что хороший христианин — плохой работник, и хороший работ-

ник — никакой не христианин. Тут я связи пока не нашел. А по части собственности тут все намного сложнее и надо думать.

«Кифа»: Как решить эту проблему? Как христианам научиться работать?

Сергей Бармин: Я об этом, честно говоря, не думал. Я пока только констатирую факты, что чаще всего активные христиане бывают пассивными работниками. У меня на производстве это есть. Чем человек активнее как христианин, тем меньше у него времени трудиться. А на все людей не хватает.

Александр Копировский, преподаватель церковной археологии в Свято-Филаретовском институте: С одной стороны, я с постановкой вопроса согласен, но с другой — Ваш опыт руководителя крупного предприятия, поднявшего его фактически из руин, совершенно золотой, хотя бы как преподавательский опыт. На этом примере можно учить сотни людей. Вот на самом факте, на том, что происходит. Даже, мне кажется, стоит на этом немножко потеряться, но люди, с одной стороны, себя попробуют, с другой стороны, если из 100 человек один найдется, это уже то, что надо. Потому что если человек — христианин и умеет управлять, то ему цены не будет. Есть многие люди, которые думают: «Только дайте мне — я развернусь». Но часто такой человек элементарные вещи не может делать или не хочет, и он должен это увидеть носом к носу, и это все должны увидеть. Понимаете, это очень такая вещь, я бы сказал, педагогическая, очень ценная, когда человек попробовал, и он уже после этого хвост не будет распускать, он не будет кричать направо и налево «дайте мне», потому что было — дали ему возможность, а он не смог, не получилось. Мне кажется, надо просто наработать этот опыт. Ни у кого такого опыта нет. Не давать, конечно, сразу

завод или даже отдел, а начинать постепенно расти, наработать опыт. Надо привыкать.

Я думаю, проходит то время, когда от государства, от предприятия, от производства уходили подальше, лишь бы почитать, лишь бы помолиться, лишь бы поездить. Сейчас совершенно очевидно, что жизнь за последние 10-12 лет изменилась, и что, конечно, нужно работать. Нужно — работать! На Западе нет священников, которых содержит приход. Все работают. Все! Кто преподает, кто еще что-то делает, а в храме — бесплатно. Это — его служение. А потому что нет денег у прихода. Там надо заплатить такую аренду за землю, за электричество где-нибудь в центре Амстердама, что просто ничего не останется.

Сергей Бармин: Д.В. Пospelовский рассказывал, что они раз в год, в начале года, собираются со своим приходом и обдумывают бюджет своего храма на целый год.

Александр Копировский: Вот именно. И тут надо десять раз рассчитать такую можно гарантированный оклад давать священнику или нет. Ну и понятно, что не сдельщину, иначе халтурить будет как и все люди. И получается: нет, дорогой — мы найдем тебе работу, мы поможем, мы поддержим, а ты работай. И свидетельство священника на работе в тысячу раз больше бывает, чем если он только кадилом машет, это совершенно ясно. Бывают исключения, конечно, но это — один на миллион. И такой человек работает больше всех. А обычный вариант — работать. Работать и наладчиком, и настройщиком, и кем угодно. Хочешь быть директором — начни с дворника и пожалуйста, вперед, очень полезное дело, покажи себя.

Был бы у нас в Москве завод вроде Вашего, естественно, всем можно было бы сказать: хватит трепаться-то, вперед. Покажите, попробуйте, заработайте на

Институт. Вас не обманут — работайте. Если у нас будут братские дома — тогда же встанет огромный вопрос — как их содержать. Надо ж зарабатывать где-то, не будешь же попрошайничать. Запад уже научился, что просто так давать бессмысленно — толку никакого. У них были такие программы — попытки устроить рабочие места, давать деньги на это или на организацию вполне определенного производства. Сейчас они и это стали сворачивать. Ничего не работает — самим надо.

«Кифа»: Что важно знать и делать нам, христианам, в управлении общей собственностью?

Сергей Бармин: Нужно делового человека какого-то обязательно. И заботиться надо о собственности, поддерживать в нормальном техническом состоянии. Думать о том, чтобы она у нас не исчезала постепенно. Обязательно должен быть штат каких-то сотрудников, которые обеспечивали бы ее жизнедеятельность, постоянно поддерживали бы все системы жизнеобеспечения. Это должен быть грамотный электрик. Грамотный сантехник. На всякий случай плотник, столяр, а вообще, если это небольшое сооружение — достаточно, может быть, вообще одного человека, но болеющего за дело (бывают люди виртуозы, которые умеют делать все на свете). Самое главное — хозяйское отношение, чтобы душа болела. Чтобы не наплеватьское было отношение, а чтобы если он проходит мимо и видит, что доска отвалилась, чтоб он не плюнул, а тут же приколотил. Все элементарно просто, но из этого все и складывается, собственно говоря.

Нужно, чтобы у каждого была ответственность: и у тех, кто вот так постоянно обслуживает это общее имущество, и у всех членов владеющего этим имуществом братства.

ЧТО ЗНАЧИТ ВЛАДЕТЬ СОБСТВЕННОСТЬЮ ПО-ХРИСТИАНСКИ?

Возродится ли в России традиция братских и общинных владений?

Андрей Еремеев, инженер (Москва): Суть владения собственностью по-христиански можно выразить словами из книги Деяний: «и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее». Мне кажется, что такая собственность не приобретается готовой, а создается усилиями и стараниями рук и сердец многих людей. Ее нельзя использовать только «для себя». Она дается не для владения, а для управления

затя друг другу: «Об этом не волнуйся. Я сделаю все необходимое». И не бояться что-то сделать не так, в чем-то ошибиться. Даже если не хватает каких-то знаний, умений, найти с кем посоветоваться, кого попросить помочь, но довести дело до завершения. Вот этой реальной ответственности за конечный результат даже в небольших делах у нас еще очень мало, в отличие, например, от «беседников».

«Кифа»: Не получится ли так, что в братстве, которое решит заниматься «совместным хозяйством», одни будут наблюдать, а другие бегать, пока не свалится?

Андрей Еремеев: Можно сказать, что ведение «совместного хозяйства» — это один из признаков семьи, а значит и совместной, общей жизни, — а это все-таки не ситуация гладиаторского боя, когда одни наблюдают, как погибают другие. Кто-то может сказать о себе, что для такой жизни непригоден и может лишь приходить в гости. А кто-то решится обрести новое качество жизни, еще одну сторону своей христианской жизни сделать общей и скажет «да». И, я уверен, что не ошибется в таком выборе, даже если таких людей будет двое или трое.

«Кифа»: Что для этого нужно?

Андрей Еремеев: Важно не измерять все относительно себя, относительно имеющихся средств, возможностей, умений, времени.

«Кифа»: Как мы можем этому научиться?

Андрей Еремеев: Теоретически это не объяснишь. Научиться чему-то можно только делая, пробуя, проходя через какие-то преграды, препятствия, обретая опыт, полагаясь друг на друга и поддерживая друг друга.

«Кифа»: У Вас как у одного из сотрудников прихода Успения в Печатниках, во всяком случае, как у человека, который там постоянно работал, наверное, остались живые воспоминания о том, каковы были отношения Преображенского братства с тем приходом, в который оно вкладывало свои силы и средства. Воспринимался ли этот приход как, кроме всего прочего, братская собственность?

Людмила Комиссарова, заведующая сектором базового образования Свято-Филаретовского института: Я могу делиться только своим личным впечатлением. Да, приход — это место, куда люди могут приходить и откуда они могут уходить. Но все-таки в наших храмах, в том числе и в Успенском храме, жили наши общины, жили наши братства. Были люди, которые приходили только в храм, но они как-то взаимодействовали с братским народом. Поэтому, конечно, храм мною всегда ощущался как братский, а не как чисто приходской. Может быть, приходские проблемы возникали только в связи с какими-то административными вещами. Приходской храм устроен определенным образом. Там определенные порядки, определенные уровни отчетности. Но по содержанию — это был наш, братский храм. Конечно, это отличается от тех приходов, в которых я бывала, и где такой большой общины нет. Бывает, что большая часть людей, которые работают в храме, создают какую-то общность, коллектив, но чаще всего это никакая не община. Хотя и в других храмах, наверное, общины быва- ют.

«Кифа»: И все-таки, как показали события 1997 г., храм не был для братства реальной собственностью. Его ока-

залось очень легко отнять.

Людмила Комиссарова: Да, действительно, сейчас церковное устройство таково, что общине не может принадлежать храм. Этот храм нами ощущался как наш по духовному своему содержанию, но, конечно, мы тогда плохо себе представляли, ну разве кроме нескольких человек, которые в этом хорошо разбирались, что у нас его так легко отобрать. Поэтому мы так мало заботились о том, чтобы что-то иметь, если вдруг такая ситуация случится. Многие из нас — я в том числе — думали, что это навсегда.

и приумножения и служит всем в равной степени, — и тем, кто был с самого начала, и тем, кто пришел «в одиннадцатом часу».

«Кифа»: Примеров успешного совместного труда христиан очень немного. Почему?

Андрей Еремеев: Может быть, потому что мы и по-отдельности не очень-то успешно трудимся. Мы готовы помогать, что-то посоветовать, дать адрес или телефон, сказать, куда или к кому можно обратиться, но не решаемся ска-

«Кифа»: Как владеть собственностью по-христиански?

Андрей Ошарин, экономист (Москва): Это вопрос действительно очень важный. Я всегда завидовал тем людям, которые как-то умеют исполнять слова «Ищите прежде Царства Небесного и правды его, а остальное все приложится Вам». И вот это дар, это мужество — жить так. Причем особенно братьям, и особенно тем, у кого есть семьи, дети. Потому что ответственность ни за семью, ни за детей, ни за престарелых родителей с тебя никто не снял, кроме того, в христианстве появляется еще и ответственность за церковь, в том числе за тех братьев и сестер, которые нуждаются, и которым действительно необходимо помогать.

Чем меньше человек ощущает собственность собственностью, тем лучше. Мне это очень трудно объяснить, но я попытаюсь. Чем больше он на нее рассчитывает, чем больше он планирует, чем больше он увязывает себя с этими вещами внутренне, — тем меньше, я думаю, он владеет. Я обратил внимание на то, что аскетика касается не только самого процесса труда. Мы сегодня разучились, и я в том числе, правильно работать. Я был богатым человеком какое-то время. Богатым в мирском понимании, т.е. имел много денег. Это создало у меня иллюзию, что я умею работать. На самом деле, будучи богатым человеком, я работать разучился. Я научился хапать, научился форсировать что-то, научился каким-то очень внешним вещам. Я со-

вершенно разучился сидеть по 12 часов, как я сидел на заводе, когда у меня в подчинении было 35 цехов. И пока я с ними не пообщаюсь, я просто не уйдил с работы. Я разучился это делать.

Второе, что для меня очень важно. Это совсем недавно стало ясно. То, что у нас творится, это — неправильно. Мало того, что я разучился зарабатывать, т.е. хорошо работать и получать за свой труд. Я скорее всего плохо ра-

ботаю, но хочу, чтобы мне много платили, потому что я очень много трачу. Чем дальше, тем больше. Это замкнутый круг. Я сейчас говорю о вещах, которые далеко не всегда есть у христиан. Например, понятие аскетичности в трате денег.

«Кифа»: Почему христиане разучиваются работать?

Андрей Ошарин: Совершенно очевидно — почему. Сталкиваясь с какой-то другой ценностью, которая все перекрывает. У меня был такой момент, сразу после воцерковления. Я мог сразу войти в бизнес. Меня приглашали, причем мои ученики. Но это было не нужно. Не скажу — неинтересно. Но это было то, что мне не нужно было никак. Я просто этого вообще боялся. А потом, я понимал, что это требует своего рода компромиссов. Люди боятся компромиссов, боятся попадать в ситуации, когда, может быть, тебя будут провоцировать на какие-то грехи. Очень большая проблема — моральное состояние того коллектива, в который ты попадаешь. Потому что когда люди зарабатывают деньги, то они ведут себя соответствующим образом. Там о теплых дружеских отношениях, о дружестве как таковом речи быть не может. Тут очень большой комплекс проблем, в который люди просто не хотят залезать. Просто это и страшно, и не нужно.

«Кифа»: Главный мотив здесь страх?

Андрей Ошарин: Главный мотив здесь

неверие. Почему? Если человек хочет работать, то Господь этот вопрос всегда решит. У меня была ситуация, когда я должен был работать по 12 часов. Я пришел к батюшке и сказал: у меня огромная нагрузка в братстве, что мне делать? — имея в виду, что отец Георгий меня как-то пожалеет или сократит нагрузку. Он мне добавил еще нагрузки. И ничего. Меня сейчас очень трудно убедить в том, что работа может отвлечь от служения. Меня в этом вообще невозможно убедить. Так же, как невозможно убедить, что плохие гады начальники требуют пойти на компромисс. У меня было все очень просто. Я при зарплате в тысячу долларов просто повесил заявление об уходе на свой компьютер, заранее сказав моим руководителям, что оно висит без числа, и если совсем будет тяжело — они могут его смело брать и подписывать. Я работал с очень жесткими людьми, но вопрос о том, чтобы Ошарин не ушел на час раньше, если это ему нужно для церковного служения, даже не ставился. И вот такую жесткую постановку вопроса люди не только понимали, но у меня такое ощущение, что они даже меня уважали. Я, безусловно, это отработывал, но это было мое условие. Я заранее обговаривал время, когда я уеду в паломничество, буду участвовать в братских встречах. И я абсолютно убежден, что это вопрос веры и помощи Божией. Это не вопрос страха. Но когда мы пускаем этот страх в себя, вера трещит. Это я знаю и по своим собственным проблемам ясно и четко.

«Кифа»: Есть некоторая традиция владения собственностью православными общинами, братствами, «десятками» и т.д. Были какие-то, скажем, братские дома до революции в России. Или сейчас на Западе многие храмы — это собственность общины, которую нельзя отобрать. А здесь у нас те государственные отношения, те имущественные отношения, которые есть, они не то же самое, что были эти отношения до революции, они не то же самое, что сейчас на Западе. И если сейчас, предположим, какое-то объединение православных христиан надумает владеть собственностью, то понятно, что храм — не имущество общины. Истории с роспуском и изгнанием из храма общин, начиная с общины храма Христа Спасителя, это доказывают очевидно. Но если все-таки сообщество православных христиан задумает совместно владеть чем-то для того, чтобы, например, учить, учиться и т.д., какие проблемы на этом пути могут возникнуть и в отношениях с государством, и в отношениях между собой? Может быть, заранее стоит думать о каких-то путях их разрешения?

Маргарита Шилкина, кандидат филологических наук, проректор Свято-Филаретовского института: Проще ответить на первый вопрос — какие проблемы возникнут с государством. Государство понимает отношения собственности только с юридическим лицом. Поскольку ни одна православная община не может быть юридическим лицом как таковая, то она должна будет оформлять эту собственность на какую-то светскую организацию или на кого-то лично из членов общины.

«Кифа»: Иначе она сможет быть юридическим лицом только через юридическое лицо Московской патриархии?

Маргарита Шилкина: Да. Только через юридическое лицо Московской патриархии. Либо через православное братство, устав которого зарегистрирован Московской патриархией как устав приходского братства. Т.е. опять же это идет через приход, а приход в данном случае не выступает итоговым собственником, и в конечном счете все равно все уйдет в собственность патриархии.

«Кифа»: И община может в любой момент все потерять?

Маргарита Шилкина: Конечно. Причем надо здесь учитывать не только позицию государства, но и внутрицерковную практику, когда любому священнику, да и мирянину, если он считает себя

церковным человеком, могут просто сказать не юридическим языком, а так называемым «языком благословения», что он благословлен сделать то-то и то-то, и если человек не хочет порвать свои внешне-иерархические связи со священноначалием — он должен принять это решение, он должен его исполнить. На сегодняшний день ситуация здесь, на мой взгляд, невыгодна для самой церкви. Потому что она ставит препоны на пути любых движений, любых инициатив, любых действий снизу самих членов церкви, будь то миряне, будь то священники — в этом смысле они абсолютно одинаково бесправны.

«Кифа»: В этом смысле все выстраивается в ту жесткую вертикаль, о которой говорил в своем интервью о. Георгий Митрофанов (см. «Кифу» № 11-12 — ред.)?

Маргарита Шилкина: Я не читала интервью о. Георгия Митрофанова, но это действительно выстраивается в жесткую вертикаль. Причем тут вертикаль-то из двух звеньев. На каком бы уровне не возникла потребность в такой собственности — следующим уровнем может быть только патриархия. Даже не епархия, не благочиние, а именно патриархия в лице своих определенных отделов.

«Кифа»: А если все эти сложности удается преодолеть?

Маргарита Шилкина: Тогда, с другой стороны, возникает (что на мой взгляд, конечно, более существенно) проблема собственно уже внутри самой общинной жизни. Отвечать за какую-то собственность для христианина — это, мне кажется, отвечать за внутреннее собрание общины и за внутреннее домостроительство. Потому что если мы понимаем, что наши отношения друг с другом должны отличаться от отношений в мире сем, если мы понимаем, что никакие проблемы распределения прибыли, управления этой собственностью не могут нас разделить, не могут встать между нами, как между братьями и сестрами, значит, мы должны заботиться во-первых о единомыслии в управлении этой собственностью и единомыслии, прежде всего, в целях ее приобретения, в целях управления. Потому что общая собственность не может быть использована для того, чтобы повисить личное благосостояние христиан. Это возможно, но тогда это не имеет отношения к общине. Это люди просто соединились на нормальных мирских началах и решают свои финансовые проблемы, не имеющие от-

ношения к церковной жизни. А вот если собственность приобретается для служения общины, для того, чтобы община могла что-то делать для Церкви, для общества, и нуждается при этом либо в зданиях, либо в транспорте, либо еще в чем-то, то, прежде всего, единомыслие должно быть в целях самого служения, и людей должно соединять вот это желание отдать другим людям, своим ближним и дальним то, что они уже сами приобрели. И тогда вопросы управления собственностью требуют от них не просто честности, чистоты и нравственной безупречности. Но они требуют еще и мудрости, трезвости в управлении собственностью. Мало не присвоить себе. Важно не промотать то, что принадлежит Богу. Если община приобретает что-то в свою собственность — она должна понимать, что это не ее собственность в глубоком смысле слова. Все, что имеешь — это имеет Церковь, это имеет Господь. Господь дал тебе в домоуправление — ты должен быть разумным домоуправителем. И поэтому неразумное использование этой собственности — это грех, а не просто нарушение какого-то юридического закона. И всегда, на мой взгляд, собственность общины, братств, т.е. каких-то православных объединений людей, во-первых, приходит к ним в руки, когда уже есть какая-то зрелость духовной жизни, и во-вторых, она требует постоянного возрастания на этом пути. Потому что новые и новые проблемы, которые здесь встают, будут постоянно требовать какого-то внимания, сосредоточения внутри общинной жизни.

«Кифа»: Последний вопрос. Конечно, когда мы говорим о совместной жизни общины, напрашивается аналогия с тем моментом в нашей личной жизни, когда люди начинают жить вместе. Одна из первых мыслей, конечно — это каким-то образом найти себе пристанище. Какие здесь могут быть общие черты и в чем здесь разница?

Маргарита Шилкина: То, что сразу видно — действительно дом обретают и строят прежде всего люди, которые становятся родными друг другу. И пока юноша и девушка знакомятся, пока они вместе бегают на дискотеки — у них совершенно нет потребности в каком-то общем доме. Потому что дом — это всегда забота. Это всегда ответственность. Дом — это совместный труд и т.д. А разница тут та, о которой я уже сказала — семья по плоти обретает свой дом для

того, чтобы решить свои личные, внутренние проблемы, для того, чтобы растить детей, для того, чтобы ухаживать за стариками, для того чтобы самим жить уютно, комфортно, чтобы иметь место для отдыха и для друзей, и опять же для себя. Община приобретает свой дом не для себя. Дом приобретает изначально для Церкви, и то, что в нем происходит — оно должно быть открыто миру. Общиной дом приобретается для того, чтобы сказать любому — верующему и не верующему, ищущему веры человеку: «Приди и посмотри, как мы живем». «Ты хочешь узнать что такое Церковь — приходи к нам». И это значит, что все в этом доме, начиная от его убранства и природы вокруг и кончая взаимоотношениями между людьми, которые там живут, должно быть свидетельством о том, что этот дом отдан Богу. Он освящен — т.е. он принадлежит Богу. И поэтому люди, которые будут приходить в такой дом, они будут смотреть на нас, как на свидетелей присутствия Божия в этом месте. И любая наша неразумность, любые наши ошибки — они могут, в конечном счете, привести к тому что по грехам нашим имя Божие будет хулиться. Помнить об этом необходимо уже тогда, когда этот дом община и братство приобретает.

МОСКОВСКИЕ КАТОЛИКИ ПРОВЕЛИ ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В КАФЕДРАЛЬНОМ КОСТЕЛЕ

МОСКВА. Представители различных конфессий собрались вечером 22 января в московском католическом Кафедральном соборе Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии на экуменическую молитвенную встречу, которую возглавил митрополит Тадеуш Кондрусевич. Во встрече принимали участие священник Георгий Чистяков и мирянин Василий Чернов (Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата), пробст Владимир Кюнтцель (Евангелиско-лютеранская церковь), пастор Игорь Алисов, диакон Андрей Юртаев (Евангелиско-лютеранская церковь Ингрии), епископ Сергей Ряховский (Российский объединенный союз христиан веры евангельской), епископ Назар Решиков (Союз христиан веры евангельской пятидесятников в России), Павел Бельков (Союз евангельских христиан баптистов), пастор Виктор Витко (Западно-Российский союз церкви

христиан адвентистов седьмого дня).

Богослужение проходило в рамках международной Недели молитв о единстве христиан, которая ежегодно отмечается 18-25 января. Темой встречи этого года стали слова Христа на Тайной вечери: «Мир мой оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин 14,23). Все выступавшие отметили то, что объединяет всех христиан (вера в Пресвятую Троицу, крещение, Святое Писание) и выразили надежду, что ученики Христовы будут совместно свидетельствовать миру о спасении. Затем митрополит Тадеуш Кондрусевич выступил с докладом «От мира в сердцах — к миру в обществе».

Богослужение завершилось совместным чтением молитвы «Отче наш», после которой священнослужители разных конфессий благословили верующих согласно своим традициям, передает «Благовест-инфо».

НОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩИНОЙ В КАНЗАСЕ СТАЛИ БЫВШИЕ АНГЛИКАНЕ

Около 40 членов Епископальной Церкви в городке Вичита (штат Канзас, США) образовали новую общину в лоне Антиохийской Православной Церкви, тем самым заявив о своем протесте против «откровенно либерального уклона» Епископальной Церкви за последние годы. Джон Флора, 57-летний пенсионер, являющийся настоятелем храма святого Стефана Епископальной Церкви, возглавит новую общину, богослужения которой начались в начале января 2004 года в православном храме святого Георгия города Вичита. Флора заявил, что он и группа бывших прихожан общины святого Стефана разочаровались в Епископальной Церкви, что не в последнюю очередь вызвано епископской хиротонией в августе прошлого года первого открытого гомосексуалиста. «Когда я познакомился с Епископальной Церковью в колледже, я действительно поверил, что нашел нечто, связывающее меня с древней Церковью, что навсегда останется непоколебимым», — сказал Флора. «Однако за 31 год, что я служил пастором, Епископальная Церковь все больше отклонялась в богословский релятивизм, который я не могу разделить». Официальные лица Канзасской епархии Епископальной Церкви, включая епископа настоятеля Вольфа, уезжали из города на отдых, и получить от них какие-либо комментарии не удалось. Мелоди Вёрмен, ответственная за связи с общественностью в епархии, заявила, что известия о новом церковном служении Флоры стали «неожиданностью», и официальные комментарии со стороны церкви будут даны только после подробного анализа ситуации. Новая церковь святого Архангела Михаила в юрисдикции Антиохийского Патриархата станет первым православным приходом западного обряда в Канзасе.

Она войдет в растущее число православных приходов, использующих в богослужении западную форму литургии, а не более традиционный византийский обряд. По словам Флоры, литургия в новой церкви будет аналогична литургии на основе традиционной англиканской Книги общей молитвы с некоторыми добавлениями для приведения её в соответствие с православным богословием. Рукоположение в православного священника, запланированное на Пасху, завершит процесс личной и богословской эволюции Флоры. Во время учебы в семинарии он участвовал в группе диалога между Англиканской и Православной Церквями, и с тех пор ему была интересна тема Палестины и Православия. В настоящее время новый приход святого Архангела Михаила проводит богослужения в часовне собора святого Георгия. Однако Флора надеется, что община будет расти, и со временем у них появятся собственные храм. «Выход из Епископальной Церкви, насчитывающей 2,4 миллиона членов, был очень трудным решением», — заявил Флора, — «однако я убежден, что должен был принять его». Другие прихожане, собирающиеся последовать за Флорой, согласны с его словами. «Наше решение никак не связано с тем, что происходило с приходом святого Стефана. Главная причина — сама Епископальная церковь США», — заявил Билл Андерсон, глава приходского совета церкви святого Архангела Михаила. «Я считаю, что не мы оставили Епископальную Церковь; но она бросила нас», — сказал он. — «Это для нас легкое решение, однако оно было принято отнюдь не случайно».

Источник: <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=285&did=1160>

ЛИБЕРАЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Конференция в Париже была посвящена «двойственному мышлению»

«Кифа»: О. Георгий, Вы участвовали в международной конференции в Париже. Не могли бы Вы рассказать о ней подробнее?

Свящ. Георгий Волковинский: Я был приглашен для участия в конференции, организованной Всемирной Федерацией христиан-студентов (ВФХС). Тема конференции была «Дуалистическое мышление», т.е. двойственное мышление. В конференции участвовало 55 человек из 26 стран.

«Кифа»: Это экуменическая организация?

Свящ. Георгий Волковинский: Да, и одна из самых древнейших, если не ошибаюсь. ВФХС возникла в 1896 году, в XIX веке, и многие ее отцы-основатели явились теми, кто впоследствии создал Всемирный Совет Церквей. Сейчас в эту организацию входит много членов-организаций, у них есть много разных регионов — Европейский регион, Атлантический регион, Америка и некоторые другие страны. Та встреча, в которой я принимал участие, была организована Европейским отделением ВФХС. Участвовала в основном молодежь, большинство участников было до 30 лет. Было достаточно много православных — из Белоруссии, из Румынии, Украины.

«Кифа»: Были католики?

Свящ. Георгий Волковинский: Да. В конференции принимал участие один монах-католик, Дамиан. От других он по внешнему виду ничем не отличался: был одет как все, в обычной рубашке, джинсах. Так же, как все, принимал участие во всех развлечениях, танцах, дискотеках. Это был интересный опыт общения с католиками. Еще был один католик из Венгрии, его зовут Саби, его жена протестантский пастор — вот такая экуменическая семья.

Для меня эта конференция была интересна тем, что это была встреча с обычными, средними христианами, не с теми с кем встречаешься на высочайших конференциях или в официальных изданиях церквей, а с самыми обычными студентами-христианами. И мы узнавали, как реально живет церковь, как реально живет молодежь в тех или иных странах, в тех или иных деноминациях. Интересно было узнать, какие тенденции существуют в Западной Европе в тех или иных церквях.

Тема была — дуалистическое мышление, т.е. двойственное мышление. Эту тему предложили либеральные круги ВФХС. Сейчас у них очень популярна тема феминизма.

«Кифа»: Что за этим стояло, непонятно?

Свящ. Георгий Волковинский: Сейчас на Западе большое распространение получило так называемое «либеральное богословие» или «богословие освобождения». Есть много людей, которые считают, что мы уже не должны говорить в понятиях добро, зло, грех, закон, праведность. А существует некая иная реальность помимо вот этого. Сейчас очень модны идеи однополых браков. Часто это пытаются оправдать

тем, что наше мышление очень архаично, что мы мыслим очень дуалистично: или добро, или зло, или то, или другое, а не в сером цвете. Это пытались донести до нас организация конференции.

«Кифа»: Показало ли общение в кулуарах, что в практической жизни молодых христиан Европы как-то отражается то, о чем говорит либеральное богословие, т.е. для них действительно размыто понятие добра и зла, греха и правды?

Свящ. Георгий Волковинский: Одним из докладчиков был молодой человек из Бразилии: его зовут Марио Рибас. Как он себя представил, представитель пост-пост-пост-пост-пост-пост либерального богословия. Он возглавляет организацию гомосексуалистов Бразилии, у него доклад касался этой темы.

«Кифа»: И при этом он себя считает христианином?

Свящ. Георгий Волковинский: Конечно. Он протестант. Труд-

но сказать, к какой он принадлежит деноминации, потому что эти самоназвания еще ни о чем не говорят. Называться можно как угодно: и Церковь Христа, и Церковь благодати, но это ни о чем не говорит абсолютно.

«Кифа»: В этом общении или в ходе конференции в каких-то выступлениях православные участники как-то проявили свое отношение к такой системе взглядов?

Свящ. Георгий Волковинский: Интересно было то, что, может быть, впервые, у нас получилось, не сговариваясь предварительно друг с другом, вместе высказаться по этому поводу. Обычно так бывает, что православные участники, выслушав эти доклады, хотя они не согласны, молчат и ничего не говорят. Но я здесь решил не молчать и начал с того, что начал задавать вопросы на основании Писания. Просто спрашивал, как они понимают определенные цитаты из Писания. Например, цитаты из апостола Павла, который говорил: «Ни воры, ни прелюбодеи, ни гомосексуалисты Царства Божьего не наследуют». Выяснилось, что они очень многие вещи из Писания перетолковывают в совершенно противоположном смысле. Например, на цитату из апостола Павла, которую я приводил, они отвечали так: в этой цитате говорится не только о гомосексуалистах, но и об обманщиках, о ворах, а у нас в церкви встречаются и такие люди, и мы их

из церкви не выбрасываем, поэтому можно и вот это тоже.

Когда начали говорить о законе Моисея, о том, что таких повелевается побивать камнями, они ответили, что в законе очень много говорится о нечистоте, а нечистота — это понятие ритуальное. И такое понятие, как грех, встречается очень редко, чаще говорится о нечистоте. Поскольку это понятие ритуальное, мы не обязаны все эти ритуалы соблюдать, т.к. мы сейчас не соблюдаем предписания о кошерной пище, предписания ритуального порядка, а гомосексуализм считался нечистой — именно в ритуальном смысле.

«Кифа»: Поэтому, наверное, с Содомом и Гоморрой случилось то, что случилось?

Свящ. Георгий Волковинский: Когда им задали вопрос насчет Sodoma и Гоморры, они сказали, что эти города были наказаны за то, что они были немилосердны к странникам, за то, что это было связано еще и с насилием, что когда это все по доброй воле — то это и ничего. Интересно то, что не я один высказывался, меня поддерживали православные румыны, поддержали православные из Грузии. Для многих из них выступление Марио Рибаса было шоком. Потому что многие из них были впервые в Западной Европе. И когда конференция началась с такого доклада...

...И когда мы пытались продолжать эту дискуссию на основании Писания, организаторы сказали, что если есть какие-то вопросы, все это можно продолжить спрашивать в личном общении. А потом некоторым из православных — там была девушка Магда Мулярчик, она является представителем Синдесмоса, координатором по центральной Европе, она входит в польское братство молодежи — так вот, к ней подходили организаторы конференции и жаловались на меня, говорили о том, что я разговаривал в обидном тоне, хотя я достаточно доброжелательно задавал вопросы, без какого-то злорадства. Совершенно спокойно спрашивал, как они понимают те или иные цитаты из Писания. После этой дискуссии ко мне подходили протестанты из Франции, Норвегии, и спрашивали меня, серьезно ли я считаю гомосексуализм грехом? Они не могли поверить, что есть еще люди, которые эту вещь считают грехом, что для меня тоже было немножко непривычно.

Что еще можно рассказать о конференции? На самом деле были представлены разные мнения. Один из докладчиков был о. Иов (Геча) из Свято-Сергиевского богословского института. Что было интересно — то, что несмотря на разные мнения, обстановка была достаточно доброжелательной. Хотя люди могли стоять на совершенно разных позициях, как в том вопросе, о котором мы говорили, но обсуждение всегда шло в доброжелательной атмосфере.

ПАМЯТНИКИ СТАВЯТ ТОМУ, КТО УМЕР

Выступление соредактора журнала «Фома» Владимира Легойды на круглом столе журналистов, прошедшем в рамках XII Рождественских чтений

Значение православной прессы сейчас трудно переоценить. Тем не менее, на качестве православной прессы это пока не очень сказывается.

О чем стоит говорить православной прессе? Прессе миссионерской прежде всего стоит говорить то, что православие — это нормально. Что я имею в виду? Нормально — значит, соответствует норме.

Дело в том, что история XX века в России приучила многих наших соотечественников к тому, что православие — это нечто неестественное, неправильное. Я имею в виду взаимоотношения с наукой и т.п. Казалось бы, мы давно из этого вышли, но, по-моему, это не совсем так. По крайней мере, по студенческой аудитории, с которой мне приходится общаться ежедневно, я могу видеть, что большинство стереотипов, которые вроде бы должны уйти и которые многим в православной среде кажутся уже отжившими, на самом деле существуют.

Другая крайность, принятая сейчас в обществе — понимание того, что православие — это не новое с точки зрения нашего богатого культурного наследия, это то, что построило нашу культуру. Это такой большой красивый памятник. Памятник, как правило, ставят тому, кто умер. Самым страшным и самым опасным мне кажется сегодня то, что мы начинаем играть на этом поле.

У нас часто жалуются: вот нет в светских СМИ положительных публикаций о церкви. Да ерунда это, конечно, есть. Вот такие чистые публикации ни о чем. Вот будет праздник. Про все это напишут и далеко не все будут ругаться и описывать "подсвечников". Вот по телевизору прошел сюжет: некая журналистка впервые в жизни попала в Лавру, встретила иеромонаха, он ей чего-то 15 минут рассказывал. Идет абсолютно бессмысленный 30-секундный сюжет. Потому что никому ничего не понятно. Он говорит вот я стал монахом, потому что в мире все плохо, а сюда пришел — здесь хорошо. Это вырвется потом на экран.

Широкая аудитория посмотрит и скажет: да-а-а. Как это прочитывается? Ребята, я к вам обращаюсь: у вас все плохо, в монастыре все хорошо. Конечно, это совершенно не отражает действительности, и формат просто не дает возможности в таком репортаже ее показать. Хотя в целом, конечно, нет никакой установки на какой-то сознательный негатив.

Так вот, очень опасно, если представители православных СМИ встроится в эту тенденцию. А это тенденция в подлинном смысле слова. Это опасная тенденция. Это тенденция омузевания и умирания того, что должно быть стержнем жизни. И тогда мы превратимся — и эта опасность есть — в умирающую Европу, где никто нигде особо с христианством не воюет, где вся культура уже с начала XX века производит впечатление либо покойника, либо умирающего человека. Именно потому, что религия как стержень жизни совершенно не востребована. И поэтому, очень важно говорить о том, что православие — нормально.

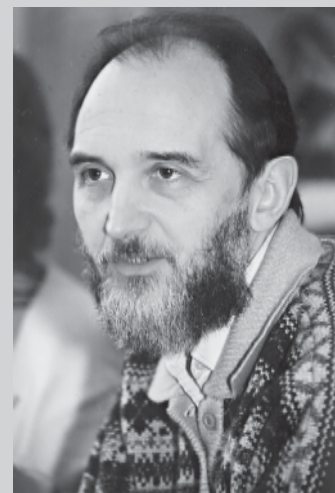
К великому сожалению, мы очень много говорим об Антихристе, и сегодня мы не удержались от этих разговоров. Меня это всегда поражает. Куда ни глянь — у нас везде "специалисты" по Антихристу. Все прекрасно знают — как это будет. Сколько у нас вышло сборников об Антихристе в Москве? Я уже и считать перестал. Семь? Да. Кто-то считает — и это правильно. Эти сборники надо знать в лицо.

Но начнем активнее говорить о Христе! Православные СМИ потому и называются православными, что должны говорить о сути православия, о христовости, о сути православия, а не высказывать врагов и все время воевать. Я позволю себе пример со стороны, но, на мой взгляд, довольно показательный. Мы всегда говорим о сектах. Это замечательно, что у нас есть центры для реабилитации тех, кто попал к сектантам. Но, на мой взгляд, лучшая прививка от сектантского сознания, от сектантского

опыта — это укорененность в своей традиции. Поэтому борьба с сектами ведется не только теми, кто работает с сектантами. Разговор о православии, нормальный позитивный разговор о Христе — это и есть основная борьба с сектами. Потому что когда человек знаком с высшей математикой его нельзя соблазнить псевдоарифметикой. А если он не знаком с высшей математикой и даже с арифметикой не знаком, а ему показывают какую-то псевдоарифметику, то он не понимает, что это псевдоарифметика, не говоря уже о каких-то других вещах.

Мне кажется, что следующий момент, которым должны заниматься СМИ — это информационное обеспечение. Это важно, это необходимо, чтобы заполнять тот информационный вакуум, о котором сегодня говорили, который до сих пор где-то существует, в отдельных областях. Но поскольку я представляю издание, которое пытается заниматься просветительской работой, то мне кажется, что здесь очень важно на этом концентрироваться. Не вокруг каких-то политических вещей, которые всегда будут вызывать множество толкований, и мы никогда здесь не договоримся. А вокруг того, что собственно составляет основное содержание нашей веры. И здесь возникает другой вопрос: насколько адекватно СМИ могут это отражать? Насколько формат СМИ — газетный, журнальный, телевизионный позволяет всерьез говорить о том, что нам дорого? Не так давно говорили в разных православных и не только православных интернет-изданиях, например на портале "Религия и СМИ" была продолжающаяся полемика по поводу того, насколько формат СМИ позволяет говорить о вере. Я считаю, что позволяет. Надо только точно расставить акценты — о чем собственно должна идти речь, а о чем говорить не стоит, но именно с таким пониманием мы должны выходить и браться за перо, или, если угодно, за клавиатуру.

ОСОБЕННОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНИХ АЛТАРНЫХ ПРЕГРАД В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМАХ

Тезисы доклада преподавателя церковной археологии Свято-Филаретовского института Александра Копировского на XII Рождественских чтениях

Графические реконструкции древних алтарных преград, фрагменты которых были найдены в раскопках, предлагались многими исследователями (прежде всего, Г.Сотириу и А.Орландосом). Это либо невысокий барьер (глухой или прорезной), либо конструкция с колонками и архитравом, получившая общепринятое название "темплон". Они достаточно исследованы в зарубежной и отечественной литературе (А. Грабар, М. Хадзидакис, К. Уолтер, В.Н. Лазарев, Л.А. Успенский, Р.О. Шмерлинг, Т.А. Чукова, А.М. Лидов и др.).

Известно, что в связи с углублением интереса к древней церковной традиции однаурские алтарные преграды стали возрождать в отдельных храмах России еще в нач. XX в. (напр., в знаменитой церкви Покрова-на-Нерли). Это были преграды с колоннами и архитравом. Но иконы в них помещались обычно не только на архитраве, но и между колоннами, что было несвойственно византийским оригиналам. Лишь в XIV в. (В.Н. Лазарев) или, по крайней мере, в XI в. (М. Хадзидакис), когда возобладали тенденции к отделению алтарного пространства от молящегося народа, иконами стали закрывать межколонное пространство. Кроме того, иконы, ставившиеся в древности на архитрав, были относительно небольшого размера, а еще раньше изображения высекались прямо на архитраве (Г. Орландос, В.Н. Лазарев).

Современные же алтарные преграды, поставленные в храмах, открытых после падения советской власти, представляют из себя своего рода "сокращенную редакцию" высокого русского иконостаса, наложенного на формы византийской алтарной преграды. В них главный под смысловому значению ряд — Деисис (явление Христа во славе, Его "Второе пришествие") — оказывается уменьшенным по сравнению с т.наз. "местным чином" (храм Покрова на Нерли, собор св. Иоанна Предтечи во Пскове, Успенский собор Княгинина монастыря во Владимире и др.). Иногда "местный" чин совмещается с "праздничным" (иконостас Покровского храма Св.-Даниловского монастыря), что еще более затмевает Деисис, а иногда Деисис в современном иконостасе может отсутствовать совсем.

При возрождении подобных древних алтарных преград в современных храмах (что, несомненно, будет продолжаться как вследствие общей "археологической" направленности современной церковной культуры, так и вследствие слишком большой стоимости высоких иконостасов) желательно постепенно отходить от этих эклектичных моментов, ориентируясь на целостную церковную традицию, либо выделявшую Деисис размерами, либо оставлявшую межколонные пространства свободными.

МЫ ДОЛЖНЫ ВСЕРЬЕЗ ОБСУЖДАТЬ ТО, ЧТО НАС ВСЕХ ВОЛНУЕТ

Выступление соредактора газеты «Кифа» Александры Колымагиной на круглом столе журналистов, прошедшем в рамках XII Рождественских чтений

Начиная с первой половины нашего круглого стола создается такое ощущение, что мы по старой памяти все время думаем об одном — вот придет барин, барин нас рассудит, все вопросы должен решать митрополит Кирилл и никто ниже рангом. Я хотела сказать вот что: меня очень задело выступление Владимира Легойды. Он прав в том, что мы действительно очень часто пишем "серо" и неинтересно. И мне приходилось часто слышать, как, открывая нашу газету, люди говорили: надо же, православная, а есть, что читать. Я не к тому, чтобы похвалиться. Это больно, что люди уже заранее настраиваются на то, что в православной прессе читать, вообще говоря, нечего. И мне кажется, что это совсем не входит в компетенцию членов Синода, это — наша компетенция. Надо это просто делать.

Но я вижу здесь одну проблему. В последнее время началось более открытое обсуждение церковно-государственных отношений, например, в "Церковном вестнике". Или в некоторых изданиях миссионерского плана, таких как журнал "Фома", обсуждаются очень серьезные личные проблемы людей в современном обществе. Но практически нигде нет обсуждения насущных проблем церковной жизни, проблем, с которыми человек сталкивается, когда он

приходит в Церковь и становится членом конкретной общины — как должно быть в нормальном случае. У нас очень редко бывает этот нормальный случай, так же, как, к сожалению, бывает не часто, чтобы новообращенный всерьез менял свою жизнь, придя в церковь, хотя и это является нормой. Вот о таких вещах мы не говорим.

Давайте вспомним о том, что эти Рождественские чтения посвящены новомученикам. Давайте вспомним, как будущие новомученики, такие как митрополит Серафим (Чичагов), или протопресвитер Александр Хотовицкий и многие другие, очень открыто, с любовью к друг другу, с уважением к позиции другого перед собором 1917 года обсуждали насущные вопросы церковной жизни, и посмотрим, как сейчас мы не способны об этом говорить. Как только мы встречаемся с позицией, отличающейся от нашей, мы начинаем тут же приклеивать друг другу ярлыки.

Если мы задумаемся об этом, то мы поймем, что в наших изданиях жизни нет именно потому, что мы все хотим в одном направлении двигаться, перепечатывая одни и те же умильные рассказы об уверовавших детях, или официальные документы, или какие-то отрывки из ленты "Православия. Ру", "Радонежа", еще из чего-то и деля из этого газету. И эту

газету оказывается читать невозможно: в ней жизни нет, потому что нет обсуждения того, что для всех нас важно. А на самом деле только это людей «цепляет», так же как личное общение. В этом, так же как в личном общении, люди видят нашу веру. Это то, что нельзя закрыть никаким колпаком, симулировать никакими внешними усилиями. Это то, что просто есть — или чего нету. И мне кажется, что только когда мы будем действительно всерьез обсуждать эти вещи, развеются многие мифы, которые мы часто строим по отношению друг к другу. Нам такое иногда приходилось слышать о нашем братстве, о нашем духовном попечителе — о Георгии Кочеткове — что просто волосы дыбом вставали. Нам такое иногда рассказывают, что нарочно не придумалось.

Мне кажется, что именно здесь лежит какой-то путь выхода из того, действительно, тупика, о котором говорил Владимир Легойда. Во всяком случае, нужно за это браться. Если мы не будем честно писать о том, что нас волнует, то никогда наша церковная пресса не станет интересной, не станет серьезной, не станет полем для размышлений, для подготовки каких-то важнейших вопросов, как это было перед собором 1917-го года.

БИБЛЕЙСКАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИЧАНСКОГО

Тезисы выступления преподавателя Свято-Филаретовского института Александра Копировского на конференции «Церковь и культура» в рамках XII Рождественских чтений

Замечательный русский поэт и переводчик Александр Величанский (1949-1990), целый ряд поэтических сборников которого издан в России, стал известен как автор текста песни "Под музыку Вивальди". Сам поэт не считал это стихотворение сколько-нибудь значимым. Его творчество было ориентировано, прежде всего, на "болевые точки" жизни. Поэтому в нем значительное место занимала библейская тема, что малоизвестно широкому читателю.

У А. Величанского есть стихи, в которых приводятся почти прямые библейские цитаты, глубоко и трепетно осмысленные, как бы "разворачивающие" библейские образы вширь ("Авессалом", "Песнь песней"). Но большинство его стихотворений связано с раскрытием библейских текстов в необычном, остросовременном контексте, с использованием парадоксов, вплоть до "обратного" прочтения библейской цитаты (так, иудеи покорно поют пленившим их врагам 136-й псалом, и т.п.). Цель этого поэтического приема - осмысление духовного состояния российского полуверующего или ложно верующего мира 1970 - 80-х гг. Такое же большое место в его творчестве занимают стихи, в которых библейская тема намечена лишь отдельными словами или образами. Она как бы растворена в поэтической речи и "выступает" из нее отдельными фрагментами ("А звонарь-то, Алексей-заика, / как Давид пред скинией, скачет..."). Во многих стихотворениях А. Величанского нет прямых библейских аллюзий, но сам их образный строй и, главное, содержание навеяно библейскими образами.

Дальнейшее исследование поэтического наследия А. Величанского, связанного с православной церковной традицией (молитвы, церковное зодчество и т.д.), обещает много интересных открытий в будущем

ВСЕ-ТАКИ ИНТЕРНЕТ - ЭТО СРЕДСТВО, А НЕ САМОЦЕЛЬ

Интервью с Дмитрием Гасаком, старшим референтом ректора СФИ

«Кифа»: Впервые ли Вы участвуете в секции по интернет-ресурсам и мультимедийным технологиям и участвовали ли Вы раньше в Рождественских чтениях?

Дмитрий Гасак: Я в первый раз участвую и в Рождественских чтениях, и в этой секции, и в первый раз выступал на Рождественских чтениях с сообщением.

«Кифа»: И каково общее впечатление? Что-то изменилось по сравнению с тем, о чем рассказывали те, кто был на чтениях прежде?

Дмитрий Гасак: Представители нашего института прежде участвовали в таком же круглом столе. По их рассказам, всегда была возможность что-то сказать, всегда можно было понять, что есть жизнь, есть заинтересованные люди, которые занимаются публикациями в интернете или, как это сейчас называют, в православном интернете, которые интересуются друг другом, что есть какое-то поле для диалога. В этот раз круглый стол был похож на обычную секцию - доклады, выступления. По содержанию, в основном, это были презентации, рассказы о различных сайтах, рассказы о технологиях: о том, как сделать православный сайт, чтобы он быстро работал, какие есть для этого возможности и т.д. Я не могу сказать, что это вызвало у меня большой интерес.

«Кифа»: Содержательной стороны почти не касались?

Дмитрий Гасак: Очень мало. Не могу сказать, что содержания нет. На мой взгляд, есть большие проекты и люди кладут на это много сил. Скажем, Свято-Тихоновский институт делает базу данных по новомученикам, которая сама по себе, конечно, полезное дело для церкви. Но опираясь на этот материал, на эту память, можно сделать значи-

тельно больше для церкви нежелали они делают. Ведь важно показать наследие новомучеников, в чем оно состоит. Одного утверждения, что до XX века было канонизировано около 450 святых, а в XX веке 1,5 тысячи, мало. Что из этого следует? Что это в нашей жизни, означает? Непонятно. Также был представлен большой проект, посвященный церковному пению. Выступал человек, который находит распевы, публикует ноты, и крюковое пение, и квадратные ноты, и такие, и сякие, и с ударением, и без ударения, и все-все-все... То есть человек делает огромную работу.

«Кифа»: Но до каких-то главных вещей дело не доходит?

Дмитрий Гасак: Да. Еще один проект могу назвать. Его делают те люди, которые делают сайт Сретенского монастыря. Он связан с церковнославянским языком. Этот проект, конечно, не равен сам себе в том смысле, что есть, конечно, идеологический заказ. Они рассказывали о шрифтах, какие существуют шрифты церковно-славянского языка, как сделать, чтобы каждый имел к ним доступ, чтобы ими можно было пользоваться, чтоб это было красиво (по крайней мере я их так понял). Есть целая сеть таких сайтов, над ними работает целая команда, содружество, как они себя называют. И вот они занимаются церковно-славянским языком. Ну кто будет с этим спорить? Нужно дело, но чтобы на такой секции уделять этому одно из центральных мест? Мне кажется, что это не соответствует тем задачам и тем нуждам церковным, которые на сегодняшний день есть.

Один докладчик рассказал, как они съездили в Кирилло-Белозерский монастырь, изучали историю защиты его от поляков, разыграли это все,

сняли на видео. Он продемонстрировал 5-минутный фильм, который был встречен просто аплодисментами. Конечно, все это должно быть, но не должно занимать центральное место. А в главном получается дыра, и это, конечно, печально.

Но другой реальности нет и нужно быть и работать в этой реальности. К сожалению, почти нет новых проектов: Сретенский монастырь, Русь православная, Свято-Тихоновский институт и Учебный комитет (неплохой проект) и все. Много статистики, много исследований православных интернет-ресурсов, много технологий, а по существу церковных нужд - очень мало. Фактически, представления Русской православной церкви в печатных СМИ и в интернете ничем не отличается. Есть официальная информация, есть история церкви, публикации богослужебных текстов, песнопений и т.п. Но материалов, свидетельствующих о жизни церкви, могущих заинтересовать широкий круг людей, крайне мало, слово церкви по существу современной жизни и ее проблем не слышно, и пока, как видно, мало кто об этом среди нас думает.

После окончания круглого стола я постарался подвести для себя какой-то итог. Что получили те люди, которые приехали на чтения в Москву, чему они могли научиться? Мне было трудно ответить на этот вопрос.

«Кифа»: И как в этом контексте был воспринято сообщение о сайте Свято-Филаретовского института?

Дмитрий Гасак: Наше выступление было поставлено в конце. Я старался говорить о тех концептуальных идеях, которые мы закладывали в наш просветительский сайт. Их не так много, и важно было об

этом сказать. Все таки интернет - это средство, это не самоцель. И важно думать о том, каким образом использовать это средство так, чтобы свидетельствовать людям о Христе и Церкви и чтобы быть услышанными. Это мы и стараемся делать на нашем сайте. Это трудное дело. Под это нет «общественного заказа», а мне кажется, что мы всегда немножко стараемся поддаться под жизнь, под общий стиль. С одной стороны, скажем, С.В. Чапнин, ответственный редактор «Церковного вестника», сетовал, что нет журналистской аналитики, столько церковных документов выпущено, а аналитики нет. Но, к сожалению, он сам в этом пример

подать не может.

Самое главное, что нам удалось сделать - это показать сайт. Там была соответствующая техника, был огромный экран и наш сайт смотрелся, мне кажется, красивее многих православных сайтов. Может поэтому и выступление наше было сокращено ведущим.

Беседовала Александра КОЛЫМАГИНА

ИНТЕРНЕТ - ТА ОБЛАСТЬ, ГДЕ СОБИРАЮТСЯ САМЫЕ МОБИЛЬНЫЕ ЛЮДИ В ЦЕРКВИ

Интервью с заведующим информационно-международным сектором СФИ Ильей Пральниковым

«Кифа»: Вы в первый раз были на Рождественских чтениях и на этой секции?

Илья Пральников, руководитель информационно-международного сектора Свято-Филаретовского института: На Рождественских чтениях я не

в первый раз, но первый раз на секции «Православный интернет». Понравился зал. Понравилось оборудование: медиапроектор и прямой выход в интернет, который предоставляет возможность выбора презентации любого проекта и возможности иллюстрации всего, о чем идет речь. Это, собственно, помогло и нам, когда мы прямо на секции показывали наш сайт.

Не понравилось то, что не было практически никакой церковной подготовки этого мероприятия. Не было никакого плана, никакой идеи. Не происходило никакой совместной работы, а зачитывались доклады. Поэтому часть докладов была вообще не по теме. Представлялись некоторые не интернет-, а мультимедийные проекты, и не представленные в сети, и не предназначенные для распространения в сети. В общем, не получилось совместной работы. Мы в очередной раз посмотрели друг на друга

и разошлись по своим углам в интернете. Хотя интернет - именно та область, в которой собираются самые мобильные люди в церкви, те, от кого зависит характер подачи материала, те люди, на которых, часто так бывает, лежит реальная работа по внешним церковным сношениям Русской православной церкви.

«Кифа»: Что-то изменилось по сравнению с прошлым годом?

Илья Пральников: В прошлом году я был только на пленарных заседаниях, где звучали значимые доклады архиереев, членов Священного синода.

Обстановка на секции мне понравилась очень. Она живая, она очень непосредственная. Можно выступить, можно высказаться, можно заявить о своем согласии и несогласии, что, собственно там часто и делалось. И несогласия с ведущим. Кто-нибудь мог сказать: «Мы прекрасно понимаем, что положение Сергея Валерьевича

не позволяет говорить о том-то и о том-то, но мы все-таки скажем».

Так было, когда выступал о. Андрей Лоргус, декан факультета психологии РПУ. У него было очень краткое выступление о том, что рейтинг первых страниц - они выигрывают. Потому что там, например, висит один сайт, про который все прекрасно знают, что с 2001 года он не пополняется. То же он сказал о сайте Православие.Ру: их рейтинг - это ложь. И дальше он очень хорошо говорил о том, что мы живем в интернете «как все», т.е. воруют друг у друга информацию, о том, что нам нужно научиться все-таки строить нашу совместную работу в интернете на каких-то определенных этических правилах, которые даже не нужно вырабатывать. Они есть и их нужно выполнять.

Были и еще очень живые и достаточно полемически заостренные выступления. Немного, но были.

СЕРДЦЕ ДОЛЖНО ГОРЕТЬ

В маленьком белорусском городе Полоцке много лет существует небольшая община монахов в миру. В ней всего четыре человека - два брата-близнеца, Андрей и Алексей Буховецкие, и их супруги. Мы публикуем беседу с членами общины и изданную ими статью - призыв молиться за весь мир. На фотографии: во время встречи Свято-Георгиевского братства с членами полоцкой общины. Июль 2003 г.

Андрей Буховецкий. У нас вся жизнь с монашеством связана, много близких нам людей — кто в монастыри ушли, кто монахи в миру. Духовный отец — архимандрит Виктор. И нас тянет к этому.

«Кифа»: А ваша общинная жизнь — в чем она выражается? Есть ли у вас общая молитва, общинная?

Андрей Буховецкий. Каждую неделю по субботам мы собираемся, молимся за весь мир, независимо от конфессии, национальности. Полностью за весь мир: за нищих, бедных, богатых...

«Кифа»: Это в рамках какого-то мирянского богослужения?

Андрей Буховецкий. Да, да.

«Кифа»: То есть вы мирянскую утреню служите и поминаете всех?

Андрей Буховецкий. Да. И каждый келейно поминает. Вот, Леша отдельно живет и я отдельно живу, но рядом друг с другом, около десяти минут, и каждый утром и вечером произносит молитву за весь мир. Почему за весь мир? Потому что с детства как-то было Богом, наверное, дано увидеть очень много горя и страдания в этом мире. Мы видели очень много людей безнадежных, у которых, как и у нашей матери, нет смысла в жизни — она неверующая женщина. И это нас привело нас к тому, чтобы молиться за весь мир — именно чтобы хоть молитвой помочь этому.

Конечно, когда человек действительно в сердце приглашает Бога, когда он начинает жить Богом, Бог, конечно, открывает человеку страдания этого мира. Но, конечно, прежде всего нужно себя изменить, и когда ты попробуешь изменить себя с Божьей помощью, тогда вокруг себя будешь тоже менять.

Я не знаю, мне кажется, что все-таки даже если и много людей в общине, например, пускай двадцать человек, самое главное — надо, чтобы огонь был внутри, в сердце человека. Огонь живого Христа, живой любви, и тогда будет все в порядке. И когда ты увидишь в человеке образ и подобие Божье, независимо от его греховности, когда действительно его увидишь, когда начнешь прощать его проступки, то он твои нач-

нет прощать, если увидит в тебе. И тогда будет интересно общаться друг с другом и встречаться. Для нас большая радость — встречаться по субботам и молиться за весь мир. Мы чувствуем, что Бог приходит и наполняет нас любовью, мы счастливы становимся. Читаем вместе Евангелие — тоже счастливы.

«Кифа»: А вы регулярно собираетесь читать вместе Евангелие?

Андрей Буховецкий. Два раза в неделю. Иногда, если кто-то заболел или что — тогда уже один раз в неделю. Поскольку у нас еще маленькая община, то в основном все служение — это нищим, бедным, психически больным людям служим.

«Кифа»: А что вы делаете, как вы помогаете?

Андрей Буховецкий. Ухаживаем просто. Кому в магазин сходить, кому даже что постирать не постесняемся. Кого куда сводить, в поликлинику, такое вот служение. Не искать где-то что-то далеко, а вокруг, даже в своем доме, девятиэтажном живу, посмотрю вокруг себя — кто нуждается.

«Кифа»: А как относятся к вашей общине те, кто рядом с вами живет?

Андрей Буховецкий. Знаете, я вам скажу, уважают. Даже смешно, что я сам не священник, а относятся, как к священнику. И даже в лифт пускают. Я говорю: да я же не священник, я простой человек, христианин. Даже тишина на всей площадке всегда, потому что знают, что на этой площадке живут христиане.

«Кифа»: А про церковь спрашивают, интересуются?

Андрей Буховецкий. Я вам скажу, что очень много людей через нас, как дал Господь, пришло к вере, очень много. Только мы это не афишируем, не говорим, мы это просто делаем, как естественное делание.

«Кифа»: Из Писания, да и нам самим, по своему опыту, известно, что стремление последовательно жить по Евангелию всегда вызывает какие-то гонения: и от мира, и даже от людей как бы церковных. Я слышала, что у вас есть внутренняя решимость проходить через все эти гонения, то есть вы не делаете на них по-

правку, да?

Андрей Буховецкий. Мы были гонимы и до сих пор за нами следят, даже и люди специально поставлены. Ну, они были и раньше, были гонения при покойном епископе Глебе у нас в Полоцке. До сих пор мы приходим в храм — на нас так косятся, смотрят, авось да что...

Все прекрасно видят, что мы причащаемся, исповедуемся, вроде ничего плохого не делаем, — а что мы, и правда, должны плохого делать? Но строгий надзор — он всегда есть и будет. И у нас город Полоцк настолько маленький, почти как деревня, что у нас верующие почти все друг друга знают. Сейчас вообще строгий надзор за нами, и иногда даже подсылаются люди такие, чтобы, знаете, уловить как-нибудь. А мы им только о любви и говорим, потому что настолько любви у нас, христиан, не хватает, настолько не хватает! Люди не понимают, что надо прощать. Не простим мы — нам Господь может не простить. В Евангелии же сказано об этом, мы должны какие-то выходы находить, но чтобы мы прощали людям. Зачем нам тогда ходить в храм, если мы не будем любить не только Бога и людей, но и вообще даже не будем прощать? Если я сейчас пойду в храм помолюсь, а потом пойду, кого-нибудь ударю или оскорблю, тогда зачем это христианство, к чему мы идем тогда? Бог есть Любовь, мы должны к любви, к Богу стремиться, а если этого нет... Я всегда всем говорил и говорю: мы можем иметь вокруг себя много чудотворных икон, много мощей, понавешать на себя много разных крестов, одеться в разные одежды — священнические, монашеские, какие угодно — но если мы любви не будем иметь, мы ничего не имеем, то есть мы — не христиане. Источник всего учения Евангелия — это только Любовь. Любовь к Богу и ближнему. Если у нас этого не будет, мы вообще ничего не имеем. Это сердцевина всего учения Господа, фактически сердцевина учения святых отцов. Не то, что свечку поставить, исполнить какие-то обряды, поцеловать икону, и думать, что ты — уже христианин, уже верующий. Преп. Серафим Са-

ровский сказал, «стяжи дух мирен, и вокруг тебя тысячи спасутся», то есть сначала станешь таким, как Господь требует, а потом Господь сам покажет, что делать, если смиришься, в руки Божьи отдашь себя, по-настоящему отдашь.

Нашу церковь сейчас захолонула обрядность, обрядоверие. Даже фактически язычество, прямое язычество. Не знаю, может я и ошибаюсь, но я заметил, что заново надо евангелизацией заниматься. Евангелие фактически читается только на престоле, но в жизни его нету.

«Кифа»: В позапрошлом году, в октябре, тут, под Москвой, был Миссионерский съезд, и я туда попал в качестве представителя прессы. Там говорилось много хороших слов: что вот, нам нужна миссия после миссии, нам нужно заниматься теми, кто крещен и не просвещен... Поговорили, развехались, и такое ощущение, что по-прежнему кругом почти никто ничего нигде не делает.

Андрей Буховецкий. Я даже в свое время, когда мы с братом работали церковными служащими, четырех наших батюшек собравши, говорил: ну как это так? Как же вы крестите, ведь людей надо же подготовить. Вы уже тысячи крестили. Вы их крестите, а в храм ходить некому. Это просто обрядоверие. А на самом деле, конечно, нужна подготовка. Чтобы человек серьезно принял Христа и жил Христом.

«Кифа»: Вот-вот, и на миссионерском съезде про это говорили — что нельзя без подготовки крестить, и наверняка почти везде все так же примерно и осталось, как было.

Андрей Буховецкий. Это до того уже забылось в современной церковной жизни, что возрождение этого будет считаться многими какой-то ересью.

Алексей Буховецкий. Мы сейчас вообще-то находимся в состоянии первого христианства, у нас надо все заново поднимать.

«Кифа»: Получается, мы живем в языческой стране, а есть те, кто хочет объявить ее православной.

Андрей Буховецкий. Обманом занимается.

Алексей Буховецкий. Люди привыкли: они пошли в храм, помолелись, свечку поставили, облобызали икону — и все, вроде они пообщались с Богом. В храме — тут Бог, тут мы благоговеем, мы тут на коленки становимся, — а на улицу придем, можем плюнуть, можем оскорбить.

«Кифа»: Чаще всего дело гораздо хуже, большинство людей в смертных грехах находятся, это просто по статистике известно.

Андрей Буховецкий. Вот почему мы в своем листке призываем к молитве — потому что надо действительно созидать храм внутри себя, живое общение с Богом, как мы с вами сейчас общаемся, и тогда каждый христианин и в храме нерукотворном будет чувствовать всегда присутствие Бога.

Алексей Буховецкий. Когда у преп. Серафима Саровского спросили: батюшка, а почему раньше столько было святых, а сейчас так мало? Батюшка говорит: а потому что дерзновения нет, никто не хочет. Надо стремиться. Верить в Бога — это надо гореть верой, а не так... Сердце должно быть не холодное и не теплое, а именно гореть. Вот и все.

ПОЛОЦКИЙ ЛИСТОК О МОЛИТВЕ

Мы, христиане, живем в трудное время, которое было всегда трудным для христиан и для людей, которые не знают Бога.

Нас всех христиан сейчас хочет увести от Бога наша современная цивилизация с большой скоростью, большим шумом всяческими рекламами и суетой большого этого мира. Но мы, христиане должны преобразить этот мир вокруг себя. Чем? Любовью, кротостью, смирением терпением. Для нас это трудно. В нашем быту очень трудно сохранить веру и остаться христианами. И самое главное для нас — остаться с Богом. Как? В молитве, везде, где бы мы не находились — на работе, дома или в метро. Это внутреннее делание каждого христианина, делание внутреннего храма молитвы.

Независимо, где бы мы ни были — молитва всегда и везде это встреча с Богом и когда это происходит, мы от всего сердца должны говорить с Ним, чтобы Бог открыл нам наши сердца настолько, насколько мы сможем Его вместить. Что бы не гордыня и не человеческое говорило, а Он жил там в этом сердце, через покаяние, и творил Свою Волю в нашей жизни и в нашем внутреннем храме. Христианин должен осознать, что тело его храм Духа Святого живущего в нем. Он не принадлежит себе, а Богу и ближнему, чтобы творить добро. Если мы часто разговариваем с Богом — мы любим Его, ведь молитва — это признание в любви к Богу. Для христианина молитва должна стать жизнью — это как пить воду, как есть хлеб, как дышать воздухом — без этого невозможно жить. И когда мы молимся в нашем внутреннем храме, мы совершаем литургию молитвы.

Молитва — источник всякому доброму делу и добродетелям. Когда молится христианин или вся община за братьев и сестер и завесь мир, это сильная молитва, тогда Бог даёт Духа Святого, который нас наставляет, утешает и даёт силы жить в Духе Святом. Если вспомнить Серафима Саровского, чем он жил? Богом, молитвой, она давала ему силы любить и принимать людей окармливать их и отправлять с миром. И всё это молитва любви. За молитвой должны следовать не пустые слова, а делание своей жизнью Во Христе, в любви и милосердии вокруг нас. Молитва — это единственный, драгоценный жемчуг общения с Богом.

Полоцкая Спасо — Ефросиньевская община. Сентябрь 2003г.

В течение всего прошедшего года «Кифа» чуть ли не в каждом номере касалась на своих страницах темы

воспитания. Но пока что все рассказы о живом, увлекательном и непросто-м опыте общения с детьми и подростками существовали как бы в «параллельных мирах», не вступая в разговор друг с другом. Мы хотели бы начать такой разговор со статьи Натальи Чернышевой, рассказывающей об интересном, но, на наш взгляд, небесспорном опыте решения проблемы участия детей в богослужении

НОВАЯ ТРАДИЦИЯ

6 декабря состоялось событие, которое, мы надеемся, послужит началом новой традиции в Содружестве.

Группа "Бриг" проводила чин вступления 12-летних детей в новый этап воцерковления. Смысл чина в изменении статуса 12-летних детей в Церкви. Они не должны более чувствовать себя младенцами, нужно помочь им осознать себя старшими и способными взять ответственность за самих себя и за младших. У них должны появиться новые права и обязанности, которые постепенно будут расширяться. Родители группы "Бриг" выработали такие права и обязанности для своих детей и отвечают за их реальное воплощение.

Название "чин" пока условно. Более адекватное название будет найдено, когда сложится последовательность этапов детского воцерковления. Родителям группы "Бриг" она представляется следующим образом:

- 1) 7-летний возраст (первая исповедь)
- 2) 12-летний возраст (переход от детства к подростковому периоду, обретение новых прав и принятие на себя посильной ответственности в Церкви)
- 3) 14-16 лет (личные обеты)
- 4) 21 год (переход от юношества к зрелости и возможность взрослого оглашения).

Все эти этапы предстоит еще выстроить и проверить жизнью, но начало уже положено.

Родители группы "Бриг" приглашают всех, кого заинтересовал этот опыт, к диалогу и сотрудничеству.

Руководитель детско-семейной группы "Бриг"

ВНАЧАЛЕ НЕОБХОДИМО, ЧТОБЫ С КАЖДЫМ РЕБЕНКОМ БЫЛ ВЗРОСЛЫЙ...

Дети растут очень быстро, и мы не можем надеяться на то, что богослужение когда-либо будет приспособлено для детей. Мы не можем рассчитывать на скорую церковную реформу, которая сократила бы и упростила богослужение и перевела его на понятный язык. Решение проблемы путем периодического служения "детских" литургий, на наш взгляд, неудовлетворительно.

Как же быть, если мы хотим воспитать верующих, церковных детей, знающих и понимающих службу и способных полноценно в ней участвовать?

Мы, взрослые детско-родительской группы "Бриг", долго мучались этой проблемой, и нашли для себя приемлемый вариант.

Правда, не совсем самостоятельно, а с помощью замечательного психолога и педагога Наташи Поповой, благодаря которой мы достигли массу и другой премудрости.

Вариант для детей до 12 лет такой: первую часть службы мы разрешаем им общаться друг с другом. Мы следим только, чтобы не было ничего шуршащего, жужжащего и шипящего, чтобы они не бегали и не кричали. Но рисовать, тихонько разговаривать в уголке, или играть в куклы позволительно.

Когда начинается вторая часть службы, каждый родитель берет своего ребенка, и идет вперед, к алтарю, чтобы все было хорошо видно и слышно. И тогда уже нельзя ни играть, ни разговаривать, ни брать с собой игрушки, мы идем только молиться. И здесь самое главное, чтобы родитель в это время не был занят

только своей молитвой, страдая от того, что ребенок ему мешает, а взял бы на себя полную ответственность за ребенка и за их общую молитву. Чтобы он молился и за себя, и за ребенка, ощущая с ним единство. Такая молитва благотворна как для взрослого, так и для ребенка. Молитва взрослого помогает и детям войти в молитвенное состояние.

Маленьких детей лучше держать на руках, а тех, кто постарше, за руку, или обнять за плечи. Когда им видно, что происходит в алтаре, когда они могут спросить в любой момент о том, что им не понятно, когда они чувствуют, что родители в данный момент с ними, в едином и очень важном делании, тогда дети вполне способны сосредоточиться на службе.

По нашему опыту, это замечательный способ вводить ребенка в богослужение. Детям достаточно всего 1-2 месяца для того, чтобы привыкнуть к такому порядку. Вначале необходимо, чтобы с каждым ребенком был взрослый. Это сложная задача для многодетных семей, но при наличии ответственных крестных, братьев и сестер в общинах или детских группах, она успешно решается. Когда дети привыкают и становятся старше, они уже самостоятельно проходят вперед и стоят там до конца службы, вне зависимости от того, есть ли с ними взрослый.

Мы в своей группе практикуем такой порядок уже несколько лет, и видим его положительные плоды. Ребенок остается с родителем до самого конца службы, и с ним же идет к причастию. Мы счита-

ем, что нельзя отпускать ребенка на причастие одного. Там обязательно оказываются "бесхозные" дети, которые начинают общаться, толкаться, бороться за места, и состояние сосредоточения на молитве и единства со взрослым, которого удалось достичь во время службы, теряется.

Когда дети привыкают в храме молиться, то время, которое они способны следить за службой, постепенно увеличивается. У них все меньше потребности заниматься другими делами или выходить из храма на первой части службы, хотя им это и не запрещается. Некоторые дети по собственному желанию стоят с родителями с самого начала службы. Но требовать этого от них взрослые начинают только после 12 лет. С этого момента дети уже сами должны научиться отвечать за свою личную молитву в храме, а также за поведение младших. Это происходит само собой, когда все одинаково знают, что такое норма, и что можно, а что нельзя.

Чтобы дети понимали смысл службы, в рамках еженедельных занятий детской группы и занятий на выездках, мы рассказываем старшим детям (10-12 лет) о древнем и современном богослужении, о смысле каждой части службы и отдельных молитв.

Для того, чтобы им было легче ориентироваться, силами родителей группы подготовлено пособие, которое представляет собой текст литургии с крупным шрифтом и разбивкой на возгласы, с комментариями, понятными детям и со справочным материалом. Мы надеемся, что все это, вместе взятое, а также подготовка к литургии и к исповеди в каждой семье, входящей в группу, позволит детям постепенно войти в дух и смысл богослужения и научиться полноценно в нем участвовать.

В данное время мы занимаемся выработкой детских молитвенных правил: ежедневно, для подготовки к причастию, для подготовки к исповеди. Задача крайне сложная и мы просим всех, кто думал на эту тему, вступить с нами в сотрудничество.

И еще одно. Мы уверены, что никакая, даже самая лучшая современная церковная семья, не в состоянии справиться в одиночку с задачей воцерковления семьи и детей. Мы находим огромную поддержку друг в друге в нашей детско-семейной группе, и вместе постепенно нащупываем ту живую традицию жизни семьи и христианского воспитания, которая исторически утеряна, но должна быть восстановлена. Мы призываем и другие семьи объединиться для решения этой непростой, но очень важной для Церкви задачи.

Руководитель детско-семейной группы "Бриг"
Наталья Чернышева
Тел. 452-38-40

chern_natali@mail.ru

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38), в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаямская, д.6), в книжном киоске первого гумфака МГУ
В Санкт-Петербурге: в магазине "Слово" (Малая Конюшенная, 9)

Телефоны распространителей:

Москва: 3142596 (Александра Ошарина), 1314769 (Ольга Филиппова), 2107006 (Ольга Орлова), 1589116 (Валерия Волкова), 3426306 (Марина Чиркова),

Санкт-Петербург: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная)
Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Чеботасва
Александра Ошарина

Иллюстратор:

Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Тел./факс:

(095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.